

Константин Фрес

Алиса в Академии Голодранцев

«Литнет»

2023

Фрес К.

Алиса в Академии Голодранцев / К. Фрес — «Литнет», 2023

Книга вышла на бумаге! Ищите на Озоне — Грязная мелкая мышь, — шептал он, шаря по моим ногам. Кажется, его даже трясло, то ли от того, что он делает, то ли от того, что он только собирается сделать. — Ты думаешь, что сможешь убежать от меня после того, что сделала? М— м— м? Ответить я не могла. Но Нилу и не нужен был мой ответ. Ему достаточно было видеть мои слезы унижения, льющиеся из глаз. — Маленькая тощая мышь, — простонал он, потираясь об мои голые бедра совершенно неоднозначно. — Ты думаешь, сможешь убежать от меня, блохастая шкурка? Конечно, нет. Я выступлю перед Советом. И вместе с десятью розгами по твоей голой задн кице потребую, чтобы тебя вместо учебы отдали мне в услужение.МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ НА ОЗОНЕ И ВАЙЛДБЕРРИЗЕ!

© Фрес К., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1. Укус, изменивший ход истории	5
Глава 2. Дорога к спасению	10
Глава 3. Страшный день исполнения желаний	13
Глава 4. Кукольный домик	16
Глава 5. Обаятельный карманник и сердитый эльф	23
Глава 6. Башня Клятв	38
Глава 7. Академия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Укус, изменивший ход истории

— Подлая крыса! Как ты посмела?!

Итак, я укусила Нила Монтеррея.

Больно. До крови.

Наверное, от неожиданности и от испуга он обмочил свои красивые штанишки.

Иначе зачем бы ему так громко кричать и топтать ногами.

А значит, мне надо бежать, и чем скорее, тем лучше.

Может, удастся спастись... или отсрочить расправу над собой и суровое наказание хотя бы ненадолго.

— Держите ее! Она посмела ранить потомственного мага! Я из уважаемой семьи! Держите эту грязнулю!

— Трусливый, самовлюбленный дурак!

— Ах ты, мерзкая крыса... я тебе все ноги переломаю!

— Сначала догони, мастер Мокрые Штанишки!

Нил Монтеррей — это сосед, наглый, самоуверенный тип и самая огромная заноза в моей заднице.

Просто удивительно, как он умудряется при каждой нашей встрече заставлять меня чувствовать себя полным ничтожеством на фоне его абсолютного и непоколебимого великолепия.

Точнее, заставлял.

До сегодняшнего дня. До того момента, как мои зубы вцепились ему в холеный палец.

Я всегда млела, глядя в его красивое лицо.

Едва отойдя от очередной встречи, от очередной атаки его красотой, я сердито выговаривала сама себе, какая я ничтожная дура.

Собирала в кулак остатки здравого смысла и воли и торжественно клялась, сама себе, что даже если он явится, весь раззолоченный сверху и до низу, верхом на грозовой туче, и будет бить молниями мне под ноги, я на него и не посмотрю.

«Да, так и сделаю», — говорила я сама себе.

Но стоило ему показаться, как все мои благие намерения растаяли, как туман поутру, и я снова и снова стою и пялюсь на него, как умалишенная!

Хорошо, хоть слюни не пускаю.

Вот и сегодня, при случайной встрече на улице, я остолбенела и скромно потупила глазки. Хотя еще вчера готова была просто пройти мимо этого расфуфыренного индюка, даже не оглянувшись.

И лучше бы я так и сделала!

— Добрый день, Алиса. Прекрасно выглядишь! Собираешься уже в академию?

Мы столкнулись на улице, на углу дорогой магической лавки Сайлуса и обувного магазинчика Бетти.

Нил шел из лавки.

В руках его было много пакетов, которые он нес в охапке, бережно прижав к себе.

Видимо, накупал чего-то такого, что обычным слугам покупать не позволяют. Каких-нибудь дорогих зелий, а может, редких и тайных книг по изучению волшебства.

Я шла из магазина Бетти. Точнее, бежала вприпрыжку, счастливая, потому что мама исполнила мою мечту — дала мне денег, чтобы купить новые туфли, как раз к первому дню обучения в академии.

Заметив Нила, я остановилась.

Так резко, будто с размаху налетела на невидимую стену.

Сердечко мое затрепыхалось, я онемела и окаменела под взглядом его зеленых глаз.

Сделала над собой усилие, подняла на него взгляд и присела в почтительном реверансе. Нил принадлежит к богатой и знатной семье.

Несколько поколений почтенных и сильных магов. Таких принято приветствовать поклонами и реверансами.

А он будет стоять и пялиться с самодовольным видом на то, как я подобострастно перед ним выплясываю.

— Добрый день, мастер Монтеррей. Спасибо, мастер Монтеррей. Да, собираюсь, мастер Монтеррей. Благодарю за внимание к моей скромной персоне.

Позор, да и только!..

— Наверное, волнуешься? Чтобы учиться в академии, нужно много прилежания, ума и таланта.

Голос у Нила сладкий, как мед.

Но в нем чувствуется такая ядовитая скрытая горечь, что я предпочитаю молчать, лишь бы не наговорить ему кучу гадостей. Если я их наговорю!..

Да он просто посмеется надо мной снисходительно — глупая, озлобленная, полунищая девчонка, что с нее взять!

И это будет обидно и унизительно вдвойне.

Так что я просто молчу — и смотрю на него, не сводя глаз, как замороженная.

Будто Нил с ног до головы позолоченный.

И это он еще ни разу не позолотился!

Хотя Монтерреи могут себе это позволить.

Держу пари, его новешенькая форма для магической академии, куда он подал заявку и куда его, разумеется, возьмут, стоит раз в десять дороже моего самого нарядного праздничного платья.

Хуже всего это то, что Нил Монтеррей прекрасно знает, что нравится мне.

Знает, что не может не нравиться.

Ведь кроме потрясающей формы с иголки, кроме загара, приобретенного на самом жарком пляже самого престижного курорта, кроме шелковистых каштановых волос Нил еще и непередаваемо хорош собой.

И богат, как лепрекон — говорят, у него уже есть свой личный счет в банке.

Такие, как он, даже не смотрят в сторону таких, как я.

Породистый богатый мальчик и худая, нескладная голодранка — вот как можно нас описать, если смотреть со стороны.

— Прелестные туфельки, — говорит Нил, щуря зеленые, как самые дорогие изумруды, глаза.

А я готова провалиться сквозь землю от стыда.

На нем — новенькая, с иголки, дорогая форма академии.

Белоснежная крахмальная сорочка, муаровый жилет с золотыми пуговицами, черные брюки со стрелками и бархатный пиджачок с вышитым золотыми нитками гербом.

На мне — унылое синее поношенное платье.

Мне здорово повезло, что сестра, передавшая его мне по наследству, такая аккуратистка.

Мама постаралась освежить его, пришила свежий белый воротничок из тонкого полотна и манжеты.

Но все равно на рукавах видны потертости, особенно на локтях, а подол подшит вручную.

Из новых вещей на мне разве что чулки и вот эти самые туфли, хорошенькие, коричневые, на двух пуговках.

Купив их, навертевшись перед зеркалом, я была счастлива, совершенно счастлива! Ровно до того момента, как встретила Нила.

Да, его модные лакированные ботинки не чета моим. Дорогие, из крокодиловой кожи. Господи, сияют, как зеркало!

В них можно свое отражение увидеть, и даже глаза можно подкрасить, если сильно постараться!

И, разумеется, при всем старании моей мамы придать одежде вид свежий и нарядный, мое синее строгое платье смотрелось уныло и жалко в сравнении с новешенькой роскошной формой Нила.

Словом, он сиял, как золотой совершен.

Мне же рядом с ним оставалось лишь зеленеть, как старому, потертому медяку...

— Я вижу, ты пойдешь по стопам своей сестры, — небрежно произнес Нил, оглядывая меня с головы до пят. — Точнее, всех своих сестер. Это похвально. Стезя послушной и услужливой жены — лучший выбор для девушки твоего круга.

Мерзкая самоуверенная ухмылочка не сползала с его губ, но черт подери, как же она ему шла!

Я просто умирала от противоречивых чувств, раздирающих меня.

С одной стороны, очень хотелось закатить ему пощечину за его наглые и обидные намеки.

С другой стороны — боже, как он хорош, когда смотрит вот так, чуть свысока и так... пронзительно!

Да, да, я уже говорила, что я полная дура, втрескалась по уши в этого самовлюбленного богатенького мерзавца, который побрезгует и ноги-то об меня вытереть.

У меня пять сестер, и только самая старшая, Агнет, отучилась в более — менее приличной академии.

Остальным, в том числе и мне, придется довольствоваться захудалой академией Усидчивых Девушек.

В народе ее прозвали УД — удовлетворительно, то есть, пойдет.

Кое-как, с натяжкой, но все же пойдет.

Там преподается самая элементарная, самая простая прикладная домашняя магия, ну, может, чуть сложнее школьной.

Как сварить варенье из хрюмзиков, как навести чары и выглядеть прилично после бессонной ночи, и курс «хозяйкам на заметку».

На изучение более-менее продвинутой магии у нас просто не было средств.

И Нил знал это.

Знал и сейчас издевался надо мной, всем своим видом показывая, что я обречена на всю жизнь остаться никчемной клушей, для которой высшее счастье — это когда на ней кто-нибудь женится.

Кто-нибудь. Но не Нил.

Такие, как он, выбирают девушек побогаче, с хорошим образованием, чтобы можно было блистать в обществе.

Хвастаться выгодным приобретением — красивой, богатой, образованной женой.

Мне вдруг невыносимо захотелось сбить с него спесь. Чтобы он перестал ухмыляться и смотреть на меня свысока, с таким превосходством.

— Девушки моего круга, — в тон ему отвечаю я, стараясь придать себе сколько-нибудь уверенный вид, — всегда делают правильный и достойный выбор. И добиваются большего, чем иные мужчины.

По лицу Нила скользит прямо-таки дьявольская усмешка.

Я смотрю на то, как его губы складываются в самую обворожительную и самую ядовитую улыбочку, и понимаю, что сейчас будет больно.

Непереносимо больно.

— Ну, конечно, — тянет он, изображая на своем красивом и порочном лице понимание. — Я постоянно забываю, что ты не просто девчонка, а внучка самого основателя Зачарованной Академии Голодранцев! Его наследница и, вероятно, Последний Адепт, которого так ждут все Голодранцы. Бедность — это достоинство, такими сказочками тебя потчевали с детства? В них ты находила утешение? Но вот незадача: твои достоинства не будут оценены, тебе не воздастся по заслугам, да и попасть в эту тайную престижную Академию ты не сможешь. Ты, увы, не мальчик. А девчонке нипочем не преодолеть препятствий. Если верить сказкам, то и взрослому-то магу их не преодолеть. Да и вообще — она вымысел безумного, отчаявшегося, нищего старикашки!

Раньше я мечтала о том, чтобы Нил дотронулся до меня.

Проходя мимо просто задел, коснулся рукой.

Но теперь от его прикосновения меня трясет, словно моего подбородка касаются не его пальцы, а раскаленное тавро.

Свои покупки он прижимает к себе одной рукой, а второй крепко ухватывает меня за подбородок. Так, что становится больно.

Он поднимает мое лицо к себе, заглядывает своими ядовито-зелеными глазами в мои глаза и цедит, презрительно и зло, стараясь влить в мою душу всю порцию яда, щедро отмеренного им мне.

— Твой дед — просто городской сумасшедший. Не было никогда величественной Академии, которую он возглавлял. Это всего лишь сказка, вымысел для таких, как ты. Для всего вашего мышиного мелкого выводка. Для вашего жалкого, полунищего, грязного выводка. Чтобы вы и дальше тарасили доверчиво ваши блестящие мышиные глазки, продолжали верить, что однажды все изменится, и работать. Чтобы ты, грязнуля, однажды вышла замуж, наплодила такую же кучу ничтожеств, как и сама, и их потчевала этой сказкой. У вас нет ничего, кроме этой надежды. Отними ее — и вы передохнете в неделю от отчаяния.

Вот что он сказал мне, глядя прямо в глаза и усмехаясь, радуясь, что причинил такую чудовищную боль.

Чтобы уничтожить окончательно.

Чтоб его гадкие слова разъели меня изнутри, почувствительнее ужалили незащитные частички моей души, в которой проросла странная, болезненная симпатия к нему.

Я чувствовала, что по моему лицу потекли слезы. Захлебываясь рыданиями, я видела перед собой лишь его злые глаза и понимала, что одну надежду, дающую мне силы жить, он во мне только что убил.

Я надеялась, до этого дня надеялась, что Нил Монтеррей, такой красивый и такой далекий, постоянно дразнящий меня, высокомерный и злой, все же не такой уж дурной в душе.

Думала, это поведение всего лишь маска.

Между нами социальная пропасть, и только поэтому он ведет себя так...

Но он оказался просто самоуверенным и гадким говнюком. Социальная пропасть тут не причем.

Его рука все еще сжимала мой подбородок.

Нил намерено делал мне больно, с садистским удовольствием вглядываясь в мои глаза. Наслаждался произведенным эффектом.

И, видимо, что-то такое недоброе в них промелькнуло, потому что я вдруг увидела в его нахальном, самоуверенном взгляде страх, а потом почуяла вкус крови на своих губах.

— Крыса! — завопил он. — Отпусти, грязная крыса!

А в меня словно бес вселился.

Я упрямо сжимала зубы, понимая, что от моего укуса его палец наверняка весь посинеет и распухнет.

Кусала до тех пор, пока вторая его рука не разжалась, роняя на булыжную мостовую дорогие покупки.

Зазвенели бьющиеся бутылки, запахло духами и первосортным, дорогим колдовством, пущенным по ветру.

Хлесткая пощечина обожгла мне щеку, но я все равно кусала, впивалась в его палец до костей, наслаждаясь воплями Нила.

— Помогите! — заверещал Нил высоким, не своим, стыдным писклявым голосом, когда до него дошло, что даже пощечинами он не сможет меня усмирить и заставить его отпустить.

Наверное, он впервые в жизни испытывал такую сильную боль и полную беспомощность, и его накрыла паника.

Она звучала в его рыданиях, в его беспомощных столах и всхлипах.

— Отпусти!

В его дрожащем голосе слышалась мольба.

На нас обратили внимание, кто-то поспешил на помощь — разумеется, ему, ведь голодранка напала на приличного мага! — и лишь тогда я разжала зубы.

Нил плакал и скулил, тряся окровавленным пальцем.

Негодующие горожане были все ближе. А это означало лишь одно: надо бежать!

И я побежала.

Глава 2. Дорога к спасению

Домой я вбежала, словно все демоны Верхнего и Нижнего миров гнались за мной, и с грохотом захлопнула дверь.

Но в безопасности я себя не почувствовала.

Наоборот, мне казалось, что я не человек, а загнанный зверь. Преследователи дышат мне в спину, а спасения нет.

Как на грех, вместо мамы или всепонимающего и любящего дедушки в холле меня встретила Беата, моя старшая сестра.

Та самая, чью синюю подшитую форму я донашивала.

По моему взъерошенному виду она сразу поняла, что я влипла куда-то. В очередной раз нарвалась на неприятности.

У Беаты круглое и белое, как мокрая булка, лицо.

Кажется, это лицо создано специально для того, чтобы выражать весь спектр негативных эмоций. И рот, вечно недовольно искривленный, может выплевывать только ругательства.

— Алиса! — выдохнула она, застыв на лестнице, как изваяние. — Что случилось? Кто гонится за тобой?

В ее строгом голосе ни капли участия и тревоги за меня, только осуждение.

В глазах — выражение напряженное и злое.

Я знаю его; я хорошо его знаю! Она так смотрит, когда решает, на чью сторону встать. Она поступит правильно в зависимости от того, кто гонится за мной.

Если дворник из соседнего двора, она придаст себе вид истиной высокородной леди и прогонит его прочь.

Если кто поважнее... она не станет конфликтовать. Ей проще будет распахнуть двери и вытолкать меня к разъяренной толпе, чтобы те утолили свою жажду мести.

А если Нил Монтеррей?.. Что она скажет, услышав его имя?..

Но ей не нужны мои слова, чтобы узнать правду.

Я упрямо молчу, подпирая двери, будто это может уберечь меня от беды, но Беата — талантливый телепат.

Мама всегда вздыхала с тоской и сожалением, говоря, что раньше такие таланты были на вес золота. Раньше Беата могла рассчитывать на хорошее обучение, на прекрасную карьеру и на удачную судьбу.

Но не теперь. Ее происхождение не даст ей ни малейшего шанса выучиться, развить свои способности и стать уважаемой леди.

Ее удел — варить варенье из хрюмзиков и нянчить детей, которые вырастут и пойдут работать на фабрики за гроши...

Беата бесцеремонно роется в моих мыслях, потому что я не успела выставить защиту против ее воздействия.

Брови ее хмурятся, нездоровое бледное лицо становится еще более напряженным и несчастным. Темные тени ложатся под ее глаза, отчего взгляд делается пугающим.

— Сумасшедшая, — выдыхает она. От злости у нее даже губы побелели. — Ты оскорбила мастера Нила?! Ты посмела ранить его?!

Она смотрит на меня расширенными от ярости глазами, и я чувствую: кроме страха в ее дрожащем голосе есть еще что-то.

Жгучая ревность и страсть.

Я тоже неплохой телепат, и успеваю вцепиться в ее сознание, словно в волосы в драке.

Яркие, похожие на праздничные открытки, мысли сестры почти ослепляют меня, и я вижу причину ее ревности.

В своих потаенных мечтах Беата не была такой бледной и замученной.
Она видела себя румяной, улыбочивой... и в платье горничной дома Монтеррев.
Я ахнула и сползла по двери.

Видения, где Беата подносит ароматный чай в фарфоровой чашечке Нилу, просто сразили меня наповал.

Она тоже, как и я, была влюблена в Нила. Она тоже мечтала о прикосновении Нила, о том, чтобы быть с ним рядом. Хотя бы в роли горничной...

— Что ты наделала, гадина! — выкрикнула Беата со слезами, кидаясь на меня.

Я разрушила ее мечту, уничтожила единственную возможность приблизиться к Нилу и быть подле него.

Нужно быть честной с самой собой: Беата некрасивая.

Она даже не хорошенькая.

Нил обзывает меня мышью потому, что у меня черные, яркие глаза и мелкие черты лица.

Но прочие мальчишки, не такие заносчивые, как Нил, в один голос твердят, что я очень привлекательная.

А бедняжка Беата вечно в тени; у нее жидкие волосы и болезненный вид. Даже на новогодние праздники ей никто не подарил подарка, свидетельствующего о симпатии.

Ни открытки, ни цветка, ни конфеты.

И угораздило же ее втрескаться в этого чертова Нила!..

— Дура! — иступленно, со слезами в голосе, кричала Беата, накинувшись на меня и вцепляясь в мои волосы обеими руками. — Испорченная! Ты вечно все ломаешь и рушишь, все, к чему прикасаешься! Я так хотела!..

Беата никогда не была сильной.

Оттолкнуть ее не составило никакого труда, и она шлепнулась на старенький, вытертый ковер, тяжело дыша и сжимая в кулаках вырванные из моей шевелюры волосы.

— Прислуживать этому скользкому мерзавцу — предел мечтаний? — выкрикнула я.

— Да! Да! — яростно выкрикнула Беата. — Прислуживать! Ходить в новой одежде! Есть досыта! И быть с ним... с ним рядом!

— Фу, какая мерзость! — кричу я, хотя слезы катятся по моим щекам. — Ты забыла, что из приличной семьи?! Ты хочешь всю жизнь унижаться? Должна же быть у тебя хоть капля гордости!

Беата молчит, а я рыдаю.

Мне жаль ее и нестерпимо стыдно. Стыдно за то, что наша семья обнищала настолько, что вечно больная Беата не наедается.

Она поправилась бы, и, может, похорошела бы, если б пила свежие сливки и ела фрукты, но...

Быть служанкой у Монтеррея это был ее единственный шанс поправиться. Теперь ее, конечно, не возьмут в это дом.

На наши крики спустилась встревоженная мама. Ступеньки старой лестницы скрипели под ее ногами, а мне и этот скрип был невыносим.

Он ввинчивался мне в уши, напоминая о нашей бедности, о том, что мы не можем себе позволить даже лестницу починить.

— Что вы тут устроили, девочки?! — всплеснула руками мама, увидев нас обеих, растрепанных, взлохмаченных. — Драку? Где ваше воспитание?! Где ваши манеры?! Приличные леди себя так не ведут!

— Приличные леди не мечтают подтирать задницу богатею за подачку! — выкрикиваю я яростно. — Она собиралась в горничные! К Монтеррею!

— Эгоистка! — вопит Беата. — Не тебе решать, чем мне заниматься! Хочу прислуживать Монтеррею, и буду! Буду! Буду!

От ее истошных криков у мамы опускаются руки.
Она горбится, на глазах будто бы старится.

Губы ее дрожат, руки бессильно опускаются вдоль тела.

И я вижу, какие они у нее натруженные и грубевшие от работы.

Мама всю работу делает по дому сама.

Выращивает овощи и продает их на рынке. Делает все, чтобы у нас был кусок хлеба — и чтобы при этом ей не нужно было униженно прислуживать богатею.

— Беата, девочка моя, — произносит мама тихим, дрожащим голосом. — Ты ведь из приличной, уважаемой семьи... Разве же можно... так?..

— Договаривай! — кричу я с какой-то злой радостью. — Договаривай, ну же? Разве можно так унижаться! Неужели недостаточно того, что на улице ему надо кланяться? Хочешь, чтоб он драл тебя розгами за разбитые чашки? Хочешь приветствовать его, стоя на коленях?!

— Приличная, уважаемая семья? — визжит Беата как одержимая. Ее вечно бледное лицо покраснелось, глаза засверкали. — Кто нас уважает?!

Мама быстро взяла себя в руки, перестала дрожать, гордо вздернула голову.

— Мы сами, — сказала она твердо. — Мы сами к себе относимся с уважением и считаем ниже собственного достоинства...

Беата не стала ее слушать.

Она подскочила, словно резиновый мяч, и рванула наверх, захлебываясь слезами. Я осталась наедине с мамой.

Ей тоже не надо было рассказывать, что я натворила.

Она это узнала, лишь коснувшись моей щеки, и губы ее снова задрожали от сдерживаемых слез.

— Ох, Алиса, — выдохнула она горько. — Ты же понимаешь, что теперь тебя ждет суровое наказание? Ах, почему ты так несдержанна...

Мои мысли метались, как перепуганные зверьки.

— Может, — неуверенно сказала я, — мне сейчас уехать в академию? Они защитят...

Мама лишь покачала головой.

— Академия Усидчивых Девиц, — произнесла она с горечью, — выдаст любую адептку по требованию магического совета...

У нее опали плечи, она потеряла лоб, скрывая от меня свои слезы.

— Но что-то надо сделать! — закричала я.

Не знаю, что мне невыносимо больше, трястись от страха за себя или видеть отчаяние и бессилие мамы.

«Надо что-то сделать!» — эта мысль колотилась у меня в висках, гнала вперед.

Вихрем я взлетела по лестнице вверх, на второй этаж, ворвалась в свою комнату и захлопнула дверь.

Не соображая толком, что делаю, вытащила из-под кровати старенький чемодан, отстегнула замки и принялась лихорадочно набивать его вещами, первыми попавшимися под руку, и нужными, и не нужными.

Одежда, учебники, милые безделушки, что будут напоминать мне о доме, украшения.

— Сбежать хочешь, мышонок? Не выйдет.

Глава 3. Страшный день исполнения желаний

Моя комната, маленькая и темная, находилась на чердаке.

Если поднять взгляд вверх, можно увидеть несущую балку и скаты крыши, образующие стены моего убежища.

Во время дождя было слышно, как капли шелестят по ветвям деревьев и по красной глиняной черепице.

Здесь, конечно, было всегда аккуратно прибрано и чисто.

Но мебель была самая простая и старая.

Покрывало на кровати было выцветшим и штопаным.

Но именно здесь, в этих стенах, я предавалась смелым и наивным мечтам.

Да, раньше я мечтала, что сюда, в эту комнату, подобно моим мальчишкам — приятелям, тайно, по дереву, взлетит Нил.

Он уже не будет таким далеким и холодным.

И мы проболтаем с ним всю ночь, прислушиваясь к ночным звукам, рассматривая звездное небо и вдыхая свежий холодный ветер.

— Нил?! Что ты тут делаешь?! И как попал сюда? Кто тебе разрешил сюда войти, это частный дом, это моя комната, я тебя сюда не звала!

Нил усмехнулся:

— Стены, замки и двери — это всего лишь условности, — ответил он. — Я могу войти всюду, куда пожелаю.

— Это моя комната! — храбро выкрикнула я. Щеки мои пылали.

— Я пришел наказать тебя, — ответил Нил. — И мне все равно, в какой комнате это произойдет.

— Не было еще решения Совета о моем наказании! — дерзко выкрикнула я. — Ты не имеешь права!

— Я имею право сделать с тобой все, что мне заблагорассудится, — отрезал Нил. — И ничего мне за это не будет.

Почему мечты сбываются неправильно?

Сейчас, в тишине комнаты, я видела, как из полумрака выступает Нил.

Я узнавала шитье на его одежде, острые уголки воротника его крахмальной сорочки и блестящие пуговицы.

И его улыбку, прекрасную и зловещую одновременно.

От испуга я вскрикнула.

Но не успела и шага назад сделать, как он оказался рядом и вцепился в меня всеми силами, и магическими, и физически — руками.

Я и пальцем не могла пошевелить от страха, скованная его чарами и крепко прижатая к его нарядному жилету.

Нил потомственный маг, он старше меня, учится в Академии Военных магов.

Обездвижить противника — это первое, чему их учат. И, кажется, учат очень хорошо...

Отчего в мечтах все не так?

Я видела эту сцену совсем иначе.

От мысли, что можно будет вот так стоять, крепко прижавшись к Нилу, меня всегда в дрожь бросало.

О его объятьях я грезила бессонными ночами, когда весна тревожила меня своим цветением.

А сейчас, когда это все происходило, мне было страшно, словно я попала в роман с дурным, очень дурным сюжетом.

Нил тискал и мял меня.

Было ужасно больно, потому что он не стеснялся, щипал, сжимал, обшаривал, жадно, по-хозяйски бесцеремонно.

И при этом смотрел в мое лицо, гадко ухмыляясь.

Ему нравилось, что он сумел меня напугать. Ему нравилась моя беззащитность и мое отчаяние. И он нарочно причинял мне боль и делал так, чтобы мне было стыдно.

Упивался моим страхом и унижением.

Он навалился на меня, и мне казалось, что одно его ужасное присутствие не дает дышать.

Навалилась паника, но я не могла не вскрикнуть, ни оттолкнуть его.

А его руки вдруг задрали подол моего платья, и я ощутила его похотливую ладонь на своем бедре. На том самом месте, где натянут чулок, подхваченный подвязкой.

— Грязная мелкая мышь, — шептал он, шаря по моим ногам. Кажется, его даже трясло, то ли от того, что он делает, то ли от того, что он только собирается сделать. — Ты думаешь, что сможешь убежать от меня после того, что сделала? М-м-м?

Ответить я не могла.

Но Нилу и не нужен был мой ответ.

Ему достаточно было видеть мои слезы унижения, льющиеся из глаз.

Он смотрел внимательно, а его ладонь тискала, сжимала мои трусики, чуть ниже живота.

— Ничего у тебя не получится, — довольный, промурлыкал он.

Его пальцы грубо и властно протиснулись между моих сжатых бедер, и я вздрогнула, даже сквозь наложенные на меня чары.

Он ухватил меня там — где стыдно, где так нежно и чувствительно, — и засопел удовлетворенно.

Его движения сделались еще грубее, еще резче, он покраснел, но не от стыда.

Его трясущаяся жадная рука терзала мое тело.

Нил еще плотнее прижался ко мне, почти вжался губами в мою шею. Я видела, как его ресницы дрогнули, словно он устыдился своего поведения — или того, как выдал свое истинное желание.

— Маленькая тощая мышь, — простонал он, потираясь об мои голые бедра совершенно неоднозначно. — Ты думаешь, сможешь убежать от меня, блохастая шкурка? Конечно, нет. Я выступлю перед Советом. И вместе с десятью розгами по твоей голой заднице потребую, чтобы тебя вместо учебы отдали мне в услужение.

От его слов я задрожала сильнее, чем от его руки между моих ног.

Нил пыхтел, прижимался и все тискал и тискал там, внизу.

Он не особо был опытен с девушками.

Думаю, всех его знаний хватило бы только на то, чтобы свалить девушку, задрать ей юбку и грубо сделать свое дело.

Но и этого было достаточно.

Меня мутило, будто я отравилась, и Нил все терся об меня, так, как это порой делают собаки об ноги своих хозяев.

— Да, да, — гадко шептал он, задыхаясь. — Я разложу тебя на лавке, сам задеру тебе юбку, сам стащу трусики и сам, слышишь, сам всыплю тебе десять розог. Я тебе всю задницу разукрашу. А потом прогону по городу... и велю прислуживать себе. Ты же знаешь, чем служанки занимаются, м-м-м?

Я стояла и тряслась, как заяц.

А Нил все пыхтел, противный и мерзкий, все больнее тер у меня между ног.

Его дыхание было возбужденным, горчим, частым, прерывистым, а я в ужасе думала о том, что сейчас испытывает этот мерзавец.

Он испытывал наслаждение.

— Будешь всю ночь стоять у моей постели с опахалом и отгонять от меня мух, — шептал он. — Или с чашкой воды. Вдруг мне ночью пить захочется? Ночи зимой холодные, длинные... тепло из комнаты быстро испаряется. Наверное, это очень мучительно — стоять босиком, на холодном полу, в одной ночной рубашке... Даже под одеялом иногда становится прохладно... в одиночестве.

Его язык заплетался, словно Нил был пьян.

Да он и был пьян — от возбуждения, от вседозволенности и от удовольствия, которое ему приносили эти прикосновения.

— Будешь греть меня, мышка, — шептал он. — Как же я хочу взять твое тощее мышиное тельце... Да, мышка, ты будешь делать то, что я скажу!

С мучительным стоном, весь дрожа, как в лихорадке, Нил ухватил меня за волосы, оттянул мою голову назад и сжал подбородок так, что стало больно.

Губы мои чуть приоткрылись, и он тотчас же припал к ним, жадно, словно голодный.

Я стояла, заливаясь слезами, а Нил целовал меня, постанывая от возбуждения, целовал, запуская свой язык мне в рот.

Мой первый поцелуй. С тем, о ком я мечтала. Настоящий страстный поцелуй.

Но отчего же тогда так противно и горько? Отчего я чувствую себя так, будто Нил меня изнасиловал?

Глава 4. Кукольный домик

Наверное, как-то по-своему, странно, Нилу я нравилась.

Может, он даже был влюблен в меня тайно.

Отсюда и все многочисленные подколки, дразнилки и холодное высокомерие. Только вот эта симпатия была какой-то болезненной и извращенной.

Нил целовал меня, поцелуи — это ласка.

А казалось, что он издевается и мучает меня.

Каждое его прикосновение было противным и почти болезненным, хотя он всего лишь касался моих губ своими губами.

Его всего трясло от нетерпения, от долго скрываемых чувств и желаний, которые он реализовывал здесь и сейчас, но почему-то он делался в моих глазах все противнее и гаже.

— Ты ведь красивая, мышонок, — шептал Нил горячо. Его мокрые губы все прижимались к моему лицу, словно он сожрать меня хотел. — Ты такая красивая!.. Любой хотел бы тебя в служанки... Чтобы каждый день видеть тебя и иметь возможность прикоснуться... Но достанешься ты только мне.

Он снова поцеловал меня, жадно впился в мой рот, запустил в него язык.

Его поцелуи словно высасывали из меня душу, силы, да саму жизнь.

Было в его власти надо мной что-то страшное, темное и омерзительное.

На каком факультете Нил учился?!

Он учился на некроманта?!

На мое счастье, он не мог одновременно долго целоваться и держать меня в подчинении.

Не умел; или слишком увлекся удовольствием, которое получал, мучая меня.

Чары его спали, я почувствовала, что тело снова меня слушается, и с криком вцепилась ему в плечо, оттолкнув от себя.

— Мерзкий, противный! — прокричала я со слезами, отпрыгнув от него подальше. — Убирайся вон!

Нил, растрепанный, с волосами, упавшими на бледный, мокрый от пота лоб, молча ухмылялся, потирая побитую щеку.

Я своей пощечиной, наверное, глубоко его оскорбила и убила в нем лучшие чувства, то светлое, что еще оставалось в его темной душе.

Он не грозил мне ничем и не боялся, что на мои крики сбежится весь дом.

Если он умеет открывать порталы, то исчезнет в один миг, как только услышит звук открывающейся двери.

— Думаешь, — с тихим зловещим смехом произнес он, — тебе удастся спастись от меня? Думаешь, я прощу тебе эту пощечину? Нет; за нее ты заплатишь еще десятью ударами!

— Совет еще не вынес мне никакого наказания! — выкрикнула я дерзко, хотя на самом деле от страха у меня ноги подгибались. — Так что убирайся!

Нил снова гадко, тихо и страшно расхохотался.

— Ты хорошо подумала? — протянул он. — Если б ты сейчас и здесь уступила мне, то, возможно, наказание было бы не таким суровым... Но теперь мне придется наказать тебя сильнее.

Он стремительно шагнул ко мне, его руки протянулись, чтобы схватить меня, и я отчаянно закричала в ужасе.

Я не надеялась на спасение; помощи было неоткуда прийти.

Дверь, обведенная зловещей алой каймой света, была опечатана его магией, и никто не мог услышать меня и прийти мне на помощь...

Но Нил не притронулся ко мне и пальцем. Не смог. Не успел.

Вдруг откуда ни возьмись, в облаке волшебного тумана, появился мой дедушка.

И чары, что Нил насылал на меня, разбились о защитную прозрачную сферу, которой дед накрыл и себя, и меня.

— Что за... — пробормотал Нил, отшатнувшись. Страх плавал в его глазах.

Дед мой, пожилой джентльмен, медленно опустил руку с зажатым в нем старым серебряным ключом.

Я никогда прежде не видела, на что способен магический ключ деда, и какие уровни магии он отпирает, и потому не поняла, чего так напугался Нил.

А потом увидела на полу корчащиеся обрывки ядовитого шипастого плюща, и мне стало жутко. Потому что плющ этот рос на проклятых, черных землях.

И чтобы от него избавиться, надо быть очень сильным магом.

Видимо, Нил даже не подозревал, что кто-то сможет противостоять его нечистым чарам.

Дед — смог...

— Что, — меж тем весьма едко поинтересовался мой дед у оробевшего Нила, — не хватает силенок творить свои мерзкие пакости? Это тебе не девчонок зажимать!

Одно движение руки с ключом, и Нил заорал от боли; на лбу его, словно удар хлыста, проступила красная отметина, какую обычно ставят ворам — домушникам.

— Вы не имеете права! — верещал Нил тонким, визгливым голосом, пытаясь пальцами оттереть позорную метку. Но это, разумеется, ему не удавалось. Такие метки сходили либо со временем, либо заговаривались опытными магами.

— Имею, — ответил дед. И снова усмехнулся.

Он был стар, но его черные глаза были чрезвычайно живыми и взгляд их — острым.

Этим взглядом дед безо всякой магии заставил Нила умолкнуть, и тот теперь жалобно поскуливал, не смея раскрыть свой рот.

— Я тебя в свой дом не приглашал, скользкий засранец, — грубо ответил дед. — Ночью обнаружил тебя в комнате своей перепуганной внучки. Вероятно, ты хотел что-то украсть? Или нет? Ну-у-у, как я должен был тебя пометить? Неужто ошибся?

Он резко повернул ключ, и — клянусь магическими снами! — я отчетливо услышала щелчок, словно ключ отпирал настоящий замок.

Руки Нила вспыхнули магическим пламенем, он снова завопил от боли, тряс ладонями, на которых расплывалось клеймо насильника.

— Не имеете права! — взревел Нил. Глаза его разгорелись, как алые раскаленные угли, красивое лицо исказилось настолько, что стало похоже на жуткую личину демона, призванного из ада. — Девчонка цела! Я ее и пальцем, и пальцем не коснулся!..

Но деда этим было не напугать; он наблюдал за боевой трансформацией Нила с усмешкой, кривя в презрительной улыбке губы.

— Коснулся! — выкрикнула я яростно.

Дед кивнул.

— Вот видишь, — с ноткой грусти произнес он. — Девушка утверждает, что ты ее касался. Значит, метка верная.

Он снова оглушительно щелкнул своим магическим ключом, и клеймо на лбу Нила погасло, а вот руки напротив сковало тонкой призрачной цепочкой.

Нил даже позеленел от страха.

Кажется, он пытался открыть портал, и у него ничего не выходило из-за того, что руки его были скованы.

— Да, да, противный негодник, — подтвердил дед весело. — Удрать магической тропой не выйдет. Тебе придется выйти через эту дверь, спуститься по лестнице, выйти на улицу и в таком виде пройти до самого своего дома. Через весь город. Чтобы все видели, чем ты

занимаешься. Увы, я ничего не могу с этим поделать. И при вынесении приговора моей внучке Совет, конечно, учтет твоё поведение.

Нила от злости трясло.

— Грязные, нищие мыши, — прошипел он, стискивая кулаки. — Ну, это вам так просто с рук не сойдет! У меня в Совете!..

— Знаю, знаю, — перебил его дед. Голос его звучал слишком печально, чтоб в это можно было поверить. — Твой отец в Совете. Мне очень страшно. Но, думаю, Совет тебя не сможет оправдать. А теперь на выход, молодой человек!

Дед отшагнул в сторону, дав Нилу проход к дверям.

И картинно взмахнул рукой, кланяясь Нилу.

Только вот поклон этот был больше похож на издевку.

Сфера, защищающая нас, лопнула, и дверь распахнулась, будто по ней наподдали ногой.

Нил, бессильно скуля от злобы и роняя злые слезы, сцепил зубы и почти бегом рванул прочь.

Его позор поджидал за дверями нашего дома, и я одновременно и смеялась, и понимала, что мне это с рук точно не сойдет.

Когда дверь за Нилом захлопнулась, а шаги его стихли, я не выдержала, разрыдалась и бросилась деду на шею.

Он обнял меня, прижал к себе и ободряюще сказал:

— Ну, ну, малышка. Все будет хорошо!

Голос его звучал ласково, с теплом. Но, кажется, он сам не верил в то, что говорит.

— Нет, не будет! — всхлипывала я. — Ты же знаешь, что не будет! Если у Нила Совете отец... Ой, как же мне попадет! Ты бы слышал, что он обещал со мной сделать! Ты бы знал, чем он грозился! И выхода нет. Академия Усидчивых Девиц не спасет меня. Отречется. Выдаст ему, не захочет нажить неприятностей. Ну почему, почему все так несправедливо?!

Дед немного помолчал, поглаживая меня по волосам и успокаивая, а потом как-то устало вздохнул и решительно произнес:

— Пойдем-ка, я кое-что тебе покажу! Ну, не плачь, девочка. Не плачь, Алиса! Может быть, еще не все потеряно?..

Кое-как успокоившись, отерев глаза, я последовала за ним.

Что мне оставалось делать?

В его кабинете всегда было сумрачно из-за плотно задернутых штор.

Дед говорил, что солнечный свет раздражает его чересчур чувствительные глаза, но черта с два это было так.

Его глаза — черные, пронзительные, под сурово изогнутыми угольно-черными бровями, — никогда не были раздраженными, воспаленными или больными.

Они всегда смотрели внимательно.

Казалось, дед может рассмотреть, как сквозь кожу прорастает самая тонкая волосинка.

Я-то знала наверняка: дед проводит какие-то опыты, разрабатывает новые рецепты зелий и заклятий, и солнечный свет — это тот ингредиент, которые годится не для всякого зелья.

В полутьме его кабинета мне было знакомо все.

Его шкафы с книгами, огромный стол, покрытый сукном, кожаное кресло, глобус из лакированного блестящего желтоватого дерева.

Этот кабинет словно был кусочком другого мира, мира, где наш дом не был нищим и несчастным.

— Так и есть, Алиса, — угадав мои мысли, произнес дед. — Так и есть!

Он закрыл за нами дверь поплотнее и задумчиво почесал белоснежную, тщательно постриженную и ухоженную бороду.

Это жест я тоже знала; дед так делал в минуты размышлений.

Он колебался; думал, посвятить ли меня в тайну, которую решился приоткрыть.

— Вы рассорились из-за Академии, — скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес дед, наконец.

Я тяжело вздохнула:

— Нил назвал тебя городским сумасшедшим, — ответила я, пытаюсь оправдать свое поведение.

Но дед, на мое удивление, не стал читать мне нравоучений.

Даже не попытался, что само по себе было очень странно.

— Да, да, — рассеянно отозвался дед. Он вынул из кармашка жилетки часы, открыл крышечку и глянул, который час, словно торопился на поезд. — Но ты же знаешь, что это не так?

— Если ты действительно был ректором самой замечательной академии, — набравшись духу, произнесла я, — то где она? Куда пропала?

— Ах, Алиса, — произнес дед так жалобно, что я подумала — он передо мной извиняется. — Дело в том, что кое-кто совершил непоправимую ошибку. Это был не злой умысел, а именно ошибка. Но из-за нее академию я потерял. Мне пришлось поклясться, что я... не попытаюсь ее вернуть, никак не повлияю на ее... м-м-м... положение и никак не помогу ей... м-м-м... расколдоваться, пока не появится хотя бы еще один адепт, желающий в нее поступить.

— Ты поклялся, что не выручишь свою академию?!

— Да.

— Но разве как-то нельзя обойти эту клятву? Только не говори, что ее запечатали в магический шар!

— Но ее запечатали в магический шар, — сокрушенно признался дед. Я всплеснула руками.

— О, нет! И кинули в Башню Клятв? Со всеми вместе шарами?

— Да.

— Не может быть!.. Невероятно! Нет, этого просто не может быть!

Дед нерешительно пожал плечами.

— Но у тебя остался ключ! — не унималась я. — Твой магический ключ! Я видела, на что он способен! Ты мог бы...

Дед погрозил мне пальцем, и я смолкла под его осуждающим взглядом.

— Алиса, — строго произнес он. — В Академии Голодранцев учат многому, но первое, что там постигают, это то, что можно быть бедным, но нельзя быть дешевым. Клятва нерушима не потому, что она заперта в шар, и не потому, что ее сложно найти, отличить среди тысяч таких же шаров. Это все глупости; я мог бы найти ее в пять минут, и ровно столько же мне понадобилось бы, чтобы этот шар вскрыть. Клятва нерушима потому, что я дал слово. И я вынужден его сдержать. Поняла? Запомни это крепко.

Я некоторое время молчала, не смея возражать ему.

— Это ты совершил эту ошибку? — сказала я, наконец, чтобы заполнить тяжелую паузу.

Дед отрицательно качнул головой.

— Нет, — как можно мягче произнес он. — Не я. Мне никогда бы в голову не пришло спорить на академию и кластся такими вещами. Тем более что речь шла о дорогом мне месте, о моей академии, о дорогих мне людях — о моих учениках. Я тоже отчасти виноват... Но не важно. Алиса, — он глянул на меня поверх стекол очков, и я заметила, что глаза у него не черные, как мне казалось раньше, а карие, с золотыми искрами. — Я знаю, чем тебе грозят разбирательства с Советом. И понимаю, что отступать тебе больше некуда. Совет накажет тебя. Он не отнимет твою жизнь, но здорово пострадает твоя честь. Твоя гордость. Скажи мне, девочка: ты готова рискнуть?

От изумления я потеряла дар речи.

Он серьезно?!

Он не шутит, не разыгрывает меня, он не сошел с ума, он хочет меня принять в свою академию? Нет, этого не может быть! Это безумие!

—Идем, — произнес он. — Я покажу тебе академию!

Дверь, ведущая из кабинета деда в потайную комнату, была неприметная, полускрытая темной занавесью. Я видела ее тысячи раз, но отчего-то мне никогда не было интересно, что там, за нею.

Всегда казалось, что там что-то скучное, какая-нибудь пыльная кладовка.

Но стоило деду отодвинуть занавеску и вставить в замочную скважину ключ — свой магический ключ! — как с моих глаз словно пелена спала.

И я с удивлением отметила, что даже не подозревала, что в моем доме, который я изучала сверху и до низу, в котором я знала каждый уголок, есть целая комната, о существовании которой я даже и не задумывалась!

Сколько раз я играла под ее окнами в саду?

Я ведь наверняка видела эти окна. Но ни разу я не задала себе вопрос, а что там, за ними.

Видимо, дед сам наложил заклятье, и очень хорошо.

Итак, мы переступили порог таинственной комнаты, и я всплеснула руками, потому что слов, чтобы выразить свое изумление, у меня не было.

Здесь не было ни диванов, чтобы присесть, ни шкафов, чтобы разместить на их полках книги.

Все пространство занимал огромный стол — несомненно, дорогой, из благородного полированного дуба, на толстых точеных ножках.

А на этом столе, как на спине слона, держащего целый мир, был размещен огромный макет, величественное и прекрасное здание академии!

Целый замок, с острыми шпилями, на которых развевались флаги и вымпелы факультетов, возвышался до самого потолка!

Здание было черное, сложенное из крохотных камней, со стрельчатыми окнами, готически строгое и роскошное.

Во внутреннем дворе я рассмотрела фонтан и скамейки под старыми вишнями с узловатыми стволами.

Роскошный сад окружал академию.

За маленькой оградой буйно росли розы и лилии, целые кусты с глянцевыми листочками и крохотными цветами!

Плодовые деревья были покрыты спелыми яблоками и грушами. Среди кустов прятались изящные беседки с крышами разных цветов.

Отдельно, за надежно запертой калиткой к которой из сада вели сразу с десятков выходящих дорожек, я увидела еловый лесок.

Видно было, что елки, высокие, старые, с седыми лапами, посадили когда-то давно в строгом порядке. Наверное, сами студенты академии, или, может, преподаватели.

А между ними, на чистой, абсолютно гладкой полянке, было местечко для посиделок у костра.

— Ночью, наверное, там ужасно интересно, и немного жутковато! — вырвалось у меня, и дед усмехнулся.

— Совсем немного, — ответил он. — И очень интересно. Это Лес Потерянных Теней. А на поляне живой огонь. Вообще, это тайное место сборищ студентов. Они называли его Пристанище Крикунов и думали — я о нем не знаю.

Дед улыбнулся; в уголках его глаз залегли добрые морщинки.

Но самое изумительное было в том, что здание академии было не простым макетом. В нем открывались и закрывались двери и окна.

В комнатках за витражными стеклами была видна крохотная мебель, совсем как настоящая. Натертые до блеска ручки комодов и изящные стулья с шелковой обивкой.

В застекленных шкафах стояли солидные тома магических книг.

На столах были серебряные чернильницы и письменные приборы из малахита с крохотными, но самыми настоящими перьями!

На умывальных столиках были крохотные фарфоровые кувшинчики и тазики, тоньше яичной скорлупки.

В шкафах висели платица — форма академии.

На кухне, похожей на кладовочку запасливой мыши из сказки, висели над плитой натертые до блеска сковородки.

А в одной из маленьких спаленок я рассмотрела алое атласное одеяльце на постели под белым балдахином, крохотные подушечки, и новенькие туфельки на коврике у кровати.

О, как много я отдала бы, чтобы в детстве у меня был такой шикарный кукольный домик!

Если это академия Голодранцев, то это название было ей дано явно в насмешку над кем-то или над чем-то, потому что в такой академии условия было просто королевскими!

— А почему академия Голодранцев? — спросила я. — Судя по серебряным ложкам и роскошным коврам, студенты там не бедствуют.

— Потому что туда принимают всех, — ответил дед, усмехаясь в усы. — Рыцарей без коней. Принцев без короны и королевства. Эльфов, потерявших свой лес.

— А! — поняла я. — Тех, кто потерял в жизни что-то важное?

— Тех, — поправил дед, — кто хочет найти в жизни что-то самое важное. Тех, кто сам хочет создать свое королевство и целый мир, в котором хотелось бы жить.

— Я хотела бы создать мир, — задумчиво сказала я, — где такие, как Нил, получали бы по заслугам.

— А если б и он поступил в эту академию, чтобы создать свой, удобный ему мир? — с улыбкой спросил дед. Я пожала плечами:

— Тогда я хотела бы научиться противостоять ему и выручать всех, кого он незаслуженно обидит.

— Что ж, — пробормотал дед. — Неплохо...

— Это было что-то вроде вступительных экзаменов? — с улыбкой спросила я.

— Собеседование, — в тон мне ответил дед. — Вступительные экзамены — вещь трудная и опасная.

— Я не побоялась бы опасности. Ты же знаешь, Нил обещал меня засечь до полусмерти. И надежды на то, что он меня пощадит, нет. А академия Голодранцев меня ему не выдала бы.

Дед чуть кивнул головой.

— Как жаль, — произнесла я, — что это всего лишь красивый кукольный домик. Если она была такой на самом деле, то она была великолепна.

— Ты не поняла, Алиса, — мягко ответил дед. — Это не кукольный домик. Она настоящая.

Дед протянул руку и осторожно сорвал с деревца крохотную грушу. Когда же он протянул ее мне, я с изумлением увидела, что в его руке зажат настоящий плод, обычного размера!

— Она зачарована. На нее наложено такое заклятье, что сохраняет ее в том виде, в каком она была много-много лет назад.

— А студенты?! — в ужасе воскликнула я.

— Все там, — ответил дед. — Если ты присмотришься повнимательнее, ты увидишь тени. Нет, это не игра света. Это они, пленники чужого злобного волшебства. Они существуют там в этом странном состоянии уже несколько десятков лет.

— Какой ужас!

— Думаешь, меня это не гнетет? Думаешь, мне их не жаль? Очень жаль. Но данное когда-то слово не позволяет мне их расколдовать. Я каждый день вспоминаю их всех,

Единственное условие, которое поможет ее расколдовать — это один-единственный студент, который сможет до нее добраться. Хотя бы один! Если ты хочешь стать студенткой академии Голодранцев, — продолжил дед, — тебе придется пройти кое-какие испытания. Не буду скрывать, это опасно и трудно. Но если ты выдержишь их, то я снова займу свое место за столом ректора, а ты избежишь наказания.

С этими словами он протянул мне ключ. Свой волшебный ключ, о, невероятно!

— Что ж, — со вздохом произнес он. — Ты еще слишком юна, своего волшебного ключа у тебя нет, так что поноси пока мой. Когда тебя зачислят в академию, ты мне его вернешь, а сама получишь новый.

— Так что я должна сделать?

— Совершить небольшое путешествие, — ответил дед.

Глава 5. Обаятельный карманник и сердитый эльф

Итак, оказаться ночью, одной, в почтовой карете, больше похожей на длинный платяной шкаф на колесах — это я могу, умею, практикую.

За стенами кареты мрак, холод, дождь и гром.

А магическая повозка мчится сквозь ночь все быстрее, будто мои мысли ее подгоняют.

Из вещей у меня с собой был только небольшой чемоданчик, в котором лежала перемена белья, все мои сбережения да дневник.

Ключ, что отдал мне дед, висел у меня на шее, на толстой серебряной цепочке.

Я иногда касалась груди, чтобы проверить, на месте ли он.

И, убедившись в его целостности и сохранности, тревожно озираясь по сторонам.

Больше всего на свете я боялась потерять его!

Это означало бы конец всему, конец возложенных на меня надежд.

Нет, только не это!

Поэтому я внимательнее рассматривала дремлющих на лавках моих соседей по купе.

Но вообще, купе — это сказано громко. Обособленная деревянная клетка на четыре персоны. Можно было откинуться, опереться затылком о деревянную стену, и поспать...

Один из соседей был мальчишка примерно моих лет, может, чуть старше, длинноногий и широкоплечий, но худощавый.

Сразу было видно, что он из небогатой семьи. Не наел себе гладких боков и щек.

Одежда на нем была штопаная-перештопанная, вытертые на коленках штаны и невнятного цвета куртка.

Но зато все чистое.

Он сидел, вольготно расположившись на лавке, сунув озябшие руки в карманы куртки, нахально закинув ногу на ногу, почти касаясь меня оттопыренным коленом, и дремал, уткнувшись носом в воротник своей куртки.

Лица его толком было не рассмотреть.

В неясном свете болтающейся от тряски масляной лампы я видела только его темно-каштановые, отливающие медью, чуть волнистые волосы, упавшие на белый лоб.

Черные — черные ресницы дрожали на прикрытых веках, под ними — опустившиеся на щеки тени. Острый тонкий нос.

Немного.

Но даже по такой небольшой видимой части его лица можно было понять, что он хорош собой.

Странное дело; рассматривая его поношенную выцветшую одежду, я вдруг поймала себя на мысли, что невольно улыбаюсь, попав под власть его обаяния.

Нет, серьезно — если у него и был какой магический дар, то это, несомненно, обаяние.

Даже заплатки на его штанах казались украшением, какой-то декоративной деталью, пришитой очень аккуратно и красиво.

Его жалкий узелок с вещами лежал рядом со мной на скамье.

Из него торчало острое перо, старое, потемневшее и изгрызенное, но им все еще можно было писать, и уголок ободранного, заляпанного чернилами учебника.

Все ясно.

Тоже студент, и тоже едет в свою академию.

Наверняка в какую-нибудь отдаленную, раз выдвинулся так рано, задолго до начала занятий.

Второй сосед был с головы до ног закутан в старый черный плащ.

Словно куколка бабочки в кокон.

Под плащом была такая же черная потрепанная куртка.

По крайней мере, я видела ее высоко поднятый ворот, в котором незнакомец прятал свое лицо.

Из-под плаща торчали ноги в белых чулках и в ношенных, испарянных, раскисших от осенней слякоти туфлях.

Сверху этот черный бесформенный кокон прикрывала широкополая шляпа с павлиньим, порядком вылинявшим пером.

Когда незнакомец шевельнулся, я с изумлением увидела, что над воротником куртки торчит пара розовых, нежных острых ушей.

А из-под шляпы по плечу незнакомца рассыпалась прядь жемчужно-белых волос, любуясь, как лунный свет.

Эльф! Настоящий эльф, мама дорогая!

Я вытаращилась на эльфа, раскрыв рот.

Кажется, я даже наклонилась вперед, чтобы заглянуть ему под шляпу, так велико было мое любопытство.

Но рассмотреть что-либо я не успела.

Над головой моей раздался удар, ветхая крыша почтовой кареты погрохотала под стальными когтями.

Хриплое карканье раздалось наверху, от которого кровь стыла в жилах.

Я вскрикнула в ужасе, потому что в хриплых воплях грязных птиц мне послышалось мое имя.

И в то же миг дремлющий мальчишка, вольготно развалившийся на лавке, оказался рядом со мной, а его крепкая ладонь зажала мой рот, не позволяя и пикнуть.

— Дознаватель тебя ищут? — быстро спросил мальчишка.

Я смогла лишь кивнуть, испуганно тараща на него глаза. Попыталась рвануться и бежать, но он прижал меня крепче.

— Даже не думай, — прошипел он мне в ухо. — Они догонят тебя в три скачка, если ты дернешься!

Как я и предполагала, мальчишка был прехорошенький.

В его чертах сочеталась и расцветающая мужская красота, и невероятное, чарующее обаяние. Когда он улыбался, можно было обо всем забыть. Какой-то редкий магический дар.

Но размышляла я над этим совсем недолго.

У мальчишки оказались ужасно чуткие, ловкие пальцы, просто пугающе ловкие.

Пуговицы моего пальто, с которыми я возилась бы минут пять, под этими пальцами как-то сами собой распустились, и мальчишка плюхнул мне на колени свой узелок.

Еще миг — и пуговицы застегнуты, а я уже не я, а толстая тетка с круглым животом.

Со спящего эльфа мальчишка снял шляпу, так осторожно и ловко, что тот и не пошевелился. Только его жемчужно-белые волосы соскользнули с плеч на грудь, и он вздохнул, хмуря брови.

В нашем полутемном закутке стало светло, словно взошла луна, и я онемела.

Но полюбоваться эльфом мне не позволили.

Мальчишка бесцеремонно напялил на меня шляпу, скрыв лицо, и дал доброго тычка в шею, чтоб я скрючилась, как спящая старуха.

Последнее, что я видела, это разбитые башмаки, которые он на меня натягивал, прямо на мои новые туфельки...

Дознаватели были уже близко.

Я слышала, как они каркали, как они пробирались по карете, грубо тыча фонарями в сидящих на лавках людей.

Сердце мое колотилось, как сумасшедшее, я вся сжалась в комок.

Мальчишка, что меня замаскировал, привалился ко мне боком, скрестил на груди руки, снова закинул ногу на ногу и даже голову на плечо положил — вот нахал!

Хорошо, хоть руки не распустил... но в моем положении, кажется, возмущаться было бы глупо.

Искоса поглядывая на проход, по которому метались тени, я замерла, когда увидела длинное черное пальто из тонкого сукна, плащ — словно вороновы крылья, словно рваная тьма, — черные сапоги, ряд пуговиц, и руки в черных перчатках...

Чуть приподняв голову, я увидела жуткую маску из потемневшего металла, похожую на череп голубя, с длинным клювом и с пустыми огромными глазницами.

— Девчонка, — прокаркал дознаватель. Он назвал мое имя, невнятно, исковеркано, настолько насколько ему позволяло его птичье горло.

— Никогда его не слышал, — равнодушно ответил мой нечаянный защитник.

Дознаватель поднес свой фонарь поближе к лицу мальчишки.

Но фонарь по-прежнему горел ровно, верный знак, что мальчишка не врет.

Ну, еще бы!

Имени моего мальчишка действительно не знал.

— Уберите свою вонючую чадилку! — меж тем возмутился мой спаситель. — Тут и так дышать нечем.

— Чье? — прокаркал дознаватель, ткнув своим металлическим черненым клювом в сторону моего чемодана. Волна жаркого страха прокатилась по моему телу. Попалась! Сейчас они поймут, что бесхозных вещей не бывает и начнут разыскивать хозяйку!

— Моё, — меж тем преспокойно ответил мальчишка. Фонарь вспыхнул ярче, дознаватель хрипло, насмешливо каркнул.

— Открывай! — злорадно проклекотал он.

Его голос был очень страшен.

Будто сама тьма касалась сердца острыми когтями. Такими же острыми и опасными, как черные железные когти на его перчатках.

Но мальчишка не сдрейфил.

Он своей длинной ногой небрежно наподдал моему чемодану пинка, да так, что тот крутанулся и остановился, обернувшись стороной с замками к мальчишке.

Я не успела и подумать о том, как тот будет выкручиваться перед дознавателем.

Мальчишка, к моему глубокому изумлению, выудил из своего кармана ключ — мой ключ, на серебристой цепочке! — и неспешно отпер чемоданчик.

Дневник, теплые брюки их клетчатой шерсти — это не могло вызвать подозрений. А вот панталоны... о, господи, стыдоба-то какая!

Вороша мои вещи, своими когтистыми лапами дознаватель вытащил мое белье!

И теперь оно висело, покачиваясь на его черном когте.

— Это что? — зашипел дознаватель злорадно.

Но мальчишка и теперь не испугался.

Глаза его радостно и возбужденно разгорелись.

— Ах, это, — мастерски изображая смущение, протянул он, почесывая в затылке всей пятерней. — Ну, тут, понимаете ли, вот какое дело: я влюблен в свою кузину. Это ее. Да, да, не мое! Я украл это. Нет! Вы посмотрите, какие идеальные очертания!

И он почти благоговейно снял с когтя дознавателя мои панталоны.

Они, конечно, были не новые, но, разумеется, идеально чистые.

И даже пахли недорогим порошком. Но мальчишка смотрел на них с нескрываемым восторгом, и даже фонарь дознавателя не реагировал.

Значит, не врет...

— О, господа, — с чувством произнес этот бесстыжий врун. — Это идеально. Это прекрасно. Это эталон!

И он зарылся лицом в белую ткань.

— Божественный аромат, — пробубнил он откуда-то из панталон.

Господа, стыд-то какой!

Я едва не сорвалась со скамейки с криком, чтобы дознаватели уже забрали меня и отняли мои трусы у этого мелкого вруна.

Но дознавателю самому не очень нравилась эта фетишистская любовная история.

— Хватит, — каркнул он с отвращением.

— Но аромат действительно неплох, — настырно произнес мальчишка, выныривая из моих панталон. — Он божественен! Кажется, я все еще ощущаю аромат ее девственной розовой кожи... Не желаете ли убедиться?

И он сунул — о, господа-и-и!.. — мою вещь прямо под клюв дознавателю.

Дознаватели существа жестокие и даже извращенные. Но, говорят, у них слабые нервы.

И, как ни странно, они стыдливые.

Все, что как-то связано с интимной стороной жизни человека, у них вызывают мучительный стыд.

Стыд на грани боли.

Вот и сейчас дознавателю было не по себе.

Мальчишке дознаватель ничем не грозил.

Он искал не его; мальчишка его не боялся.

Это я тряслась, как осиновый лист, и у меня не вышло бы так виртуозно трепать ему нервы.

Но, похоже, мой нечаянный защитник давно нашел уязвимое место в зловещей силе дознавателей, и теперь этим бессовестно пользовался.

— Вы только понюхайте! — проникновенно, голосом, полным любви и обожания, произнес мальчишка.

Дознаватель задушено захрипел.

Он надулся, нахохлился, как больная ворона, и мне показалось, что он вот-вот сотворит какую-то гадость.

Но тут подал голос эльф.

— Прекратите это немедленно!

Он встал во весь рост и недобро смотрел на нас всех.

Свысока.

Очень заносчиво и горделиво.

Хотя был одет еще хуже моего пройдохи-защитника.

Но ключ из-за пазухи он вытащил золотой.

Кажется, даже с драгоценными камнями.

Это означало только одно: эльф мог отпирать самую древнюю, самую сильную магию — если его этому научат в академии, конечно.

Свой ключ он наставил на дознавателя и чуть склонил голову, глядя исподлобья синими, как небо, глазами.

Дознаватель отступил.

Я не могла видеть его лицо, я не знала его чувств. Но мне показалось, что он испугался.

Он поклонился, недостаточно почтительно, но все же.

И поспешил дальше, размахивая своим фонарем.

Эльф презрительно фыркнул и уселся на свое место. Мой защитник, чуть склонившись с лавки, вылез в проход, посмотреть вслед удаляющемуся дознавателю.

— Все, — неожиданно жестко и хладнокровно констатировал он. — Свалил.

И бросил мои панталоны в чемодан, с громким шлепком закрыв за ними крышку.

— Спасибо, — пролепетала я, обращаясь почему-то к эльфу. — Вы меня спасли...

Он снова смерил меня высокомерным взглядом и презрительно фыркнул, усаживаясь на свое место и изящно запахиваясь в свой поношенный плащ.

Господи, какой он был красивый! Какой!

На него можно было смотреть бесконечно.

Он был идеальный.

Даже резкий изгиб его темно-серых, как старое серебро, бровей, был изящен и неповторим.

Ростом эльф был с моего спасителя. У него были очень выразительные, огромные, синие, как небо, глаза.

Взгляд их из-под черных, как ночь, ресниц, ласковый или гневный, запоминался навсегда.

Тонкий нос с причудливо вырезанными ноздрями.

Красивые, свежие губы, очень изящно очерченная линия скул, хорошо вылепленный подбородок.

Стройный и хрупкий, он был прекрасный, как драгоценная вещица, завернутая в грубую ткань. Убожество его одежд только подчёркивало его невероятную красоту.

Он правда не был похож на человека. На живое существо. Я таращилась на него, потому что искренне считала его произведением искусства.

И сотворила его в момент наивысшего вдохновения природа.

Эльф снова неодобрительно фыркнул.

— Не стоит благодарности, — ответил он, пожалуй, излишне сухо.

Мальчишка, что сидел рядом, возмутился:

— Эй! — изумленно выдохнул он. — Вообще-то, спас тебя я, а благодарности ему?!

— Ах, да, — слабым голосом ответила я. — Ты спас...

Тут взгляд мой упал на растерзанный чемоданчик, и я покраснела до самых ушей.

— Ты трогал мое белье! — взвизгнула я, поспешно склоняясь над своими вещами, поспешно запихивая все обратно и наскоро наводя в чемодане порядок. Мальчишка, ничуть не смутившись, протянул мне мой ключ на блестящей цепочке, и я спешно защелкнула замок.

— Так для пользы же дела, — резонно заметил он.

— Ты... ты его нюхал! — заверещала я. Ой, у меня от стыда сейчас щеки треснут!

— Пф-ф-ф, — возмущенный моей черной неблагодарностью, презрительно фыркнул мальчишка. — Зато дознаватель ушел! Я умею их отваживать. Я отвадил их не меньше трех дюжин, уж поверь мне! Я в этом эксперт!

В его голосе послышалось неприкрытое хвастовство.

— Эксперт, — подал неприветливо голос эльф. — Это выглядело отвратительно.

— Ну, я же не такой важный господин, как ты, — тут же нашелся мальчишка. Язык у него хорошо подвешен... даже лучше, чем его ловкие, вороватые пальцы! — Если такой стеснительный и правильный, мог бы и раньше меня вступить за девушку. Кстати, меня Кит зовут, Алиса.

И он церемонно подал мне руку.

Руки у него были особенно ухоженные.

Очень чистые, с длинными красивыми, чувствительными пальцами, с аккуратно остриженными ногтями.

Сейчас, словно окончив какое-то дело, требующее максимальной чувствительности пальцев, Кит раздобыл в кармане серебряное широкое кольцо и надел его на безымянный палец.

Как врач-хирург, закончивший операцию.

И от этого немудреного действия у меня мороз пошел по коже.

Я сама не заметила, как мои пальцы оказались в его ладони, а его яркие карие глаза нахально, не тушуясь, заглянули в мои, рассматривая там понимание и... страх.

— Ты все верно поняла, Алиса, — интимно понизив голос, произнес Кит, глядя, как я рассматриваю его руки. — Я воришка. Карманник. Жизнь у меня не сахар, а есть время от времени хочется. Поэтому приходится развивать все таланты, что дал мне Господь.

И он внезапно церемонно, как джентльмен на званом ужине, припал к моей ладони губами, целуя мою руку чуточку более страстно и эротично, чем это было нужно.

Этот жест был такой неожиданный, такой странный и такой волнующий, что я завозилась, снова покраснев до ушей.

На своей руке я ощутила два вкрадчивых, неторопливых и мягких поцелуя.

Черные ресницы Кита дрогнули, и его яркие глаза с упавшей на них прядью снова глянули на меня, исподлобья, тайком, но дерзко и вызывающе.

В его глазах было много смеха и чего-то магического, влекущего, отчего мне вдруг захотелось, чтоб он повернул мою руку ладонь вверх, прижал к своему лицу и поцеловал еще раз... мягко и нежно...

«Наверное, он часто целует руки всяким дурочкам вроде меня, — подумала я, осторожно отнимая свою ладонь у него и... немного жалея о том, что он не покрыл поцелуями всю мою руку, оставив дорожку теплых прикосновений от запястья до самого сгиба локтя, где кожа тонкая, чувствительная, и слышен часто бьющийся пульс. — А пока они млеют, он обчищает им карманы. Вот тебе и рыцарь без коня, и эльф, потерявший свой лес! Странно, что они оба мне повстречались именно теперь...»

Тайком я запустила руку в карман, чтобы проверить, на месте ли мои вещи.

И этот жест не укрылся от внимания Кита.

Он проследил за моей ладонью и рассмеялся, ничуть не смущенный.

Кит смотрел на меня безо всякого стеснения, с любопытством человека, который может обчистить даже внутренние карманы на груди моего пальто, а я и не замечу. Да и сделать ничего не смогу.

Так смотрят на беспомощно барахтающегося на спине жука.

От его внимания, нескромного, неприкрыто-хищного, меня бросало в жар и неясное приятное томление охватывало с головы до ног...

— Зачем они искали тебя? — меж тем спросил эльф.

Голос у этого высокомерного голодранца тоже был красивый.

Звучный, приятного бархатного тембра, несмотря на то что он обращался ко мне с известной толикой прохладцы, даже грубовато.

Черт!

А я под его взглядом просто терялась, чувствуя удушающую волну трепета.

— Я бы на твоём месте, — суфлерски шепнул на ухо Кит, чуть склонившись ко мне, — даже и не смотрел в его сторону. Он же эльф! Может оказаться старше твоего прадедушки. Снаружи розовые щечки и расчёсанные гладкие локоны, а внутри — старый пердун, ворчливый зануда. Мозоли, полипы, геморрой и несварение.

Я зафыркала, не в силах сдержать хохот, а эльф уничтожающе посмотрел на Кита.

Их взгляды, казалось, скрестились как клинки.

Кит смотрел нахально, предъявляя свои права на мое внимание, и не собираясь так просто уступать сказочному эльфу.

Эльф смотрел холодно.

Моей симпатии ему было не нужно, по крайней мере, он всем своим видом это демонстрировал.

Но насмешки над собой в присутствии девушки эльф терпеть не мог.

— Мне семнадцать, — уничтожающим тоном процедил он.

— Выглядишь ты на семнадцать, — задиристо продолжил Кит, явно дразня эльфа. — Но эльфы известные вруны. Семнадцать, семнадцать, а потом — ой, нолик забыл добавить...

— Семнадцать, — прошипел эльф, испепеляя Кита злым взглядом.

— Хорошо, хорошо, как скажешь! — покладисто ответил Кит, не прекращая дразнить эльфа. — Но если что, всегда можешь обратиться ко мне. Моя бабушка была аптекарем и варила недурную мазь от гем...

— Себе вотри, — зло перебил его эльф и снова обернулся ко мне, подчеркнуто игнорируя дальнейшие издевки Кита. — Так что им от тебя нужно?

Его синие глаза смотрели так строго, что я оробела, будто перед учителем.

«Остроухий зануда! — ругнулась я про себя. — Ведет себя так, будто я обязана перед ним отчитываться! Но, наверное, он привык к такому; ключ-то у него непростой. Обнищавший принц? А если и так, то что с того? Это не дает ему право командовать мной!»

— Это только мое дело! — выпалила я, почему-то рассердившись.

Эльф с каменным выражением лица чуть приподнял удивленно бровь, сделавшись еще надменнее и высокомернее.

Невыносимый!

— Да неужели, — холодно произнес он. — Я должен знать, кого я защитил. А то может оказаться, что ты мошенница, и дознавателя нужно позвать обратно.

— Эй! — выкрикнул Кит.

— Ты не сделаешь этого! — испуганно вскрикнула вслед за Китом я.

Эльф заинтересованно приподнял вторую бровь, всем своим видом показывая, что очень ждет моих объяснений.

Как он это делает?!

Движением брови нас обоих подчинил!

Остроухий зануда...

— Ну, хорошо, — набравшись смелости и вздохнув поглубже, произнесла я. — Я никого не ограбила, не убила и не обманула...

— Мне каждое слово придется из тебя клещами тянуть? — снова подал голос этот невообразимый ушастый пристава.

Какой же он гадкий!

И голос у него противный — спокойный, культурный, нудный!

— Я укусила сына одного из членов Совета, — выпалила я, и серебристые брови эльфа взлетели чуть не на середину лба от изумления.

Кит же сморщился, стянул губы, зажмурился, словно я у него на глазах голову крысе откусила, а не призналась в том, что немного покалечила Нила.

— Ух! — выдохнул он, всем своим видом показывая, что с моей стороны это был очень опрометчивый поступок.

— Укусила? — меж тем повторил эльф таким тоном, как будто ничего более дикого в жизни своей не слышал, и теперь просто не верит своим ушам. — Что за дикость?!

Тут я уже разозлилась.

Сколько можно строить из себя такого напыщенного великосветского вельможу?! Сидит тут, смотрит на меня высокомерно, как принц крови, рыльце воротит, губки кривит, а у самого худые башмаки!

— Ты ничего обо мне не знаешь! — выпалила я сердито. — Можешь корчить какие угодно брезгливые рожи, как будто ты аристократ, да только, похоже, из аристократизма в тебе только твой длинный нос! Ты даже не соизволил представиться, а это не так-то вежливо! Даже имени своего не назвал, а пристаешь к девушке с вопросами! А укусила я его, защищаясь!

Чтоб не смел меня лапать, ясно? Защищая свою честь! Я не его собственность, и не служанка даже! И он не смеет распускать свои руки! А ты и в самом деле брюзжишь как старичок!

— А я что говорил? — оживился Кит, который, кажется, весьма ехидный парень. — Сто семьдесят, не меньше!

Но несмотря на мою горячую речь и издевки Кита, эльф ну совершенно никак не отреагировал.

Не разозлился, не стушевался. Он остался совершенно спокоен и лишь кивнул головой.

— Я знаю, что такое честь, — нудно произнес он. — Но ты, конечно, повела себя опрометчиво. Дознатель имеет полное право тебя задержать.

— Да ты с ума сошел! — возмущенно выкрикнул Кит. Он всей душой был на моей стороне. — Девчонка правильно себя повела! Пусть знает!..

Эльф перевел на него уничтожающий взгляд прекрасных, прозрачных, словно хрусталь, глаз.

— Пока что «знает» только она, — ответил он. — Сейчас мы с тобой ее выручили, а что дальше? Они все равно загребут ее.

— Не загребут! — хорохорясь, ответила я. Эльф снова глянул на меня так, будто я была разговаривающая лягушка.

Так бы и треснула ему по макушке!..

— У тебя есть какой-то план? — уточнил он. — Тайное убежище? Академия? — он критически оглядел меня с головы до ног и поморщил губы. — Это вряд ли. На адептку приличной академии ты не тянешь. Тебя выдаст любая, в какую ты имеешь права поступить.

— Не любая! — выдохнула я. — Не любая!

Эльф посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Давай, удиви меня, — осторожно произнес он. — Какие это академии для бедных нынче не пускают дознавателей?

— Академия Голодранцев! — выдохнула я.

Эльф, шумно выдохнув, лишь покачал головой, прикрыв газа, и откинулся на спинку своего грубого деревянного сидения.

— Бедное дитя, — с излишним пафосом произнес он. — Она с ума сошла от страха. Это в каком же нужно быть отчаянии, чтобы...

— Я так не думаю, — отозвался Кит, и к моему величайшему удивлению продемонстрировал эльфу, как карточный игрок — джокера, ключ моего деда, зажатый между двумя своими длинными пальцами. — Иначе откуда у нее эта вещьца? Ты же не думаешь, что у девчонки ее лет может быть ключ такой силы? Он старый, потемнел уже, да сейчас таких и не делают. Видишь — борода с четырьмя ступенями? Серебряный, но крепкий, не сгибается. Им однозначно можно отпереть какой-то замок.

Когда этот паршивец сумел украсть, кто бы знал!

— Кит! — взвизгнула я яростно, выхватывая у него из рук свой ключ. — Не смей больше у меня ничего воровать!

— Я и не думал, — совершенно искренне ответил Кит. — Просто забрал свои вещи. И нашел это. Нечаянно.

— Вещи?!

Я с запоздалым испугом схватилась за живот.

На том месте, где под моим пальто был упрятан узелок Кита, ничего не было.

И пальто было аккуратно застегнуто на все пуговики.

А ключ ведь висел на моей шее, на цепочке, спрятанный под одежду...

— Так что, — спросил Кит, испытующе заглядывая мне в глаза. — Это правда ключ от Академии?..

— Да, правда, — яростно ответила я, надевая цепочку на шею и пряча ключ под одежду.

— Откуда он у тебя? — спросил подозрительный эльф.

— Мой дед, — нехотя призналась я, — ректор этой академии.

Эльф нахмурился.

— Ты хочешь сказать, — произнес он подозрительно, — что твоего деда зовут Леонидас Каррингтон?

Кит лишь кивнул головой.

— Это чучело прокаркало ее имя — Алиса Каррингтон. Все сходится.

А затем он толкнул меня в бок и сказал:

— Я же говорил, эльф врет! Ему не меньше ста лет, раз помнит твоего деда и имя его знает!

— Я, — гордо и высокомерно ответил эльф, испепеляя Кита ненавидящим взглядом, — из очень приличной семьи! И она возлагала некоторые надежды на мое образование и на эту академию!

Эльф фыркнул, будто отряхиваясь от глупостей, которые говорит Кит, обернулся ко мне и снова изобразил рафинированное культурное удивление на своем красивом лице.

— Ты серьезно собираешься... в Академию? Хочешь там укрыться?

— А у меня есть выбор? — горько спросила я.

— Но это рискованно, — заметил эльф.

— Представь себе! Но я согласна пойти на этот риск! Я не боюсь! Больше опасностей на пути в Академию меня пугает унижение и позор, которым меня подвергнет Совет!

— Смелая девчонка! — восхитился Кит. — Интересно, получится ли у тебя поступить в эту Академию. Пожалуй, я с тобой пойду. Чисто из любопытства, посмотреть, как ты будешь преодолевать препятствия на пути к цели.

Я насмешливо глянула на него.

— А ты разве не едешь в свою академию?

— Еще и проницательная! — Кит продолжил расточать комплименты. — Да, именно туда я и еду. Но мне не к спеху; а еще я никогда не отличался особым прилежанием, могу и немного опоздать к началу учебного года. А то и вовсе передумать там учиться. И если у тебя все получится, Алиса, то я бы тоже присоединился к Голодранцам.

— С ума сошел, — осуждающе произнес эльф. — Ты ведь не первокурсник. Наверняка года два обучения уже оплачены?

Кит скрестил руки на груди и ухмыльнулся.

— За свое обучение я плачу сам, — с тенью гордости произнес он. — Мне не перед кем отчитываться. Так что хочу, учусь, хочу — брошу. Сам себе хозяин.

По этим словам я поняла, что Кит, скорее всего, сирота.

Еще и бравирует этим!

Но, наверное, у него просто характер такой, смеяться и острить там, где по идее надо плакать.

— Ну, — произнес подозрительный эльф, — отлично. Вы меня убедили. Но что надо сделать? Никогда не слышал, чтоб в зачарованную Академию можно было попасть, купив место в почтовой карете. Куда ты направляешься?

— В Башню Клятв, — нехотя призналась я. — Мне нужно найти клятву деда и отнести ее в Академию.

— Но карета, — зловеще произнес эльф, — не останавливается возле Башни Клятв.

— Что?! — всполошилась я. — Как это не останавливается, я специально узнавала и обговаривала это с возницей!

— А так, — ответил эльф. — Карета только набирает ход. Она мчится все быстрее и быстрее. Мимо Башни мы пронесемся на всем ходу, чтоб никто не успел и подумать, не то, что сойти.

— Тогда мне нужно спрыгнуть! — закричала я, подскакивая со скамьи. — Кит, открой окно! Сейчас же! Ты можешь, я знаю! Ты ведь все можешь открыть?!

Окно было маленькое, грязное, мутное. Рассохшаяся деревянная рама была приколочена огромными толстыми гвоздями, и мне, наверное, не хватило бы ни сил, ни умения.

— Ты с ума сошла? — возмутился Кит. — Мои руки — это высокоточный инструмент, а не лом и не топор! А если я занозу загоню? А если палец сломаю?!

Эльф насмешливо фыркнул и поднялся с места.

— В сторону, — кратко бросил он. В руке его сверкнул золотой ключ, и Кит всплеснул руками.

— Ну, ты-то куда лезешь, остроухий? Ты же сам твердил, что это опасно и неразумно!

— Кто-то из нас должен помочь даме, — эльф внезапно церемонно поклонился мне, без тени кокетства.

Он будто нарочно говорил все холодно, чтобы я и подумать не посмела, что он может со мной заигрывать.

— Эйвинд. Называй меня Эйвиндом.

«Какое красивое имя ему дали, — пронеслось у меня в голове. — Эйвинд, ветер счастья...»

Но Кит как будто слышал мои мысли и не оставлял мне ни полшанса на то, чтобы восхищаться эльфом.

— Эйв, значит. А я Кит Ветрогон, это мое полное имя, — невежливо вклинился он в наш разговор.

Эльф высокомерно на него покосился, глянув через плечо.

— Болтун, невежа и редкий хвостун, — пробормотал он, крепче сжимая свой ключ.

Из него, бледный и тонкий, как клинок шпаги, вдруг вырвался луч светлой магии, и сам ключ оказался очень удобной рукоятью оружия.

Эйвинд взмахнул им, вырубив окно в пару взмахов.

Теперь на стене кареты зиял черный прямоугольник, за которым мелькала ночь, ее огни и звуки.

— И что дальше? Выпрыгнешь в поле на всем ходу и разобьёшься?

Я не ответила на его вопрос, фыркнув так же презрительно, как и он.

Подхватив свой чемодан, смело ринулась к прорубленному окну и выглянула наружу.

Слева от окна, как я и предполагала, была прикреплена железная лестница.

Я часто путешествовала в таких вот почтовых каретах, летом, когда окна раскрыты.

Случалось мне и на крыше ехать, потому что внутри деревянной коробки было душно, воняло потом, невымытыми ногами и прочими неприятными вещами.

А на крыше было хорошо.

Опасно, но свежий воздух, тепло и ощущение бесконечной свободы.

По моим подсчетам, мы скоро должны были подъехать к башне.

Там крутой поворот, после которого только лес; карета старая, мокрая, тяжелая.

Возница не управится с ней, если она так и будет нестись. А значит, он попридержит лошадей. Тогда я и спрыгну!

Сейчас было совсем не тепло.

Холодный дождь сек лицо и руки, промочил плечи, рукава пальто.

Волоча чемодан, я карабкалась по этой лестнице, обмирая от страха, потому что в любой момент мои руки могли соскользнуть по мокрой металлической лестнице.

Подол моего платья хлопал на ветру, бил по ногам, а это было не очень-то приятно, учитывая, что он порядком промок и был ужасно холодным.

Да еще и Кит...

Он карабкался вслед за мной, искренне стараясь не смотреть вверх, то есть, мне под юбку, но иногда это было просто невозможно.

Особенно когда он меня подтолкнул под зад, практически закинув на крышу.

И следом за ним карабкался зануда-эльф!

— Эй! — воскликнул Кит удивленно, перекрикивая звуки непогоды и скрип ветхого длинного вагончика — кареты. — А ты чего за нами увязался?!

— Посмотреть, — лаконично ответил эльф.

— А как же оплата за год обучения? — поддразнил его Кит.

— Я тоже сам себе хозяин.

Все втроем мы оказались наверху, Эйвинд махнул своим магическим лучом вниз, и окно, такое же старое, грязное и мутное, вернулось на свое законное место, будто его не изымали.

Теперь невозможно было найти путь, по которому мы ушли. И если дознаватель одумается и вернется, то они и следа нашего не найдут.

— Ловко! — похвалил его Кит. — Ну, скоро ваша Башня?

— Скоро! — ответила я.

Ночь летела над нашими головами, шумная и страшная.

Щелкал кнут возницы, взлетая густой полосой белесого тумана над спинами магических лошадей, вагончик почтовой кареты мчал по проторенной колее, налитой дождевой водой и сверкающей под полной луной, проглядывающей между туч, как отполированные многолетней работой рельсы.

Впереди замаячила Башня, высокий, неясный, черный силуэт.

Бахнула молния, рвущая извилистой полосой небо до самого горизонта, и я вскрикнула в ужасе.

Впереди, на крыше кареты, был дознаватель.

Он сидел на корточках, пригнувшись, опершись рукой, словно его сию минуту скинуло к нам вспышкой молнии, и зловещий свет отражался в темных стеклах его глазниц.

— Ах ты, носатый пройдоха! — выдохнул Кит, стирая капли дождя с абсолютно мокрого лица. — Все ж таки нас выследил! Ну, влипли!

— Ты можешь уйти, — через плечо бросил ему Эйвинд. — Ты ему не нужен. Ну, разве что подзатыльник отвешать, чтоб под ногами не путался. Ему нужна девчонка.

И Эйвинд встал во весь рост, загораживая меня собой.

Дознаватель хрипло рассмеялся, раскаркался, глядя на нас.

Он поднял руку в черной перчатке и поманил меня к себе своим жутким когтем.

— Иди сюда!

Эти слова не были произнесены, но они болью отпечатались в моей голове. Дознаватель использовал свою запретную магию, и это было так ужасно, что и передать невозможно.

Я застонала и безотчетным движением сжала ладонями виски, выронила чемодан.

Кажется, ловкий Кит его поймал на самом краю крыши, не дал свалиться вниз; не помню. Не видела.

Да мне это сейчас было и неважно. Все, что я хотела — это избавиться от боли.

Голову мою разламывала пульсация, и все, что я слышала, это страшный шелестящий шепот, клекот хищной птицы, предвкушающей кровавый пир.

— Иди ко мне!

Невольно я сделала шаг вперед, и боль, стучащая в виски, как будто уменьшилась.

Я чуть не разрыдалась от облегчения, но она тотчас вернулась вновь, и я с готовностью сделала еще шаг к дознавателю, как больной, принимающий порцию лекарства, после которого наступает облегчение.

— Алиса, не слушай его! Он подманивает тебя, Алиса!

Кажется, это кричал Эйвинд.

Но что он понимал? Когда так болит, голос разума слушать невозможно.

— Он околдовал ее! — крикнул ему в ответ Кит. — Она не может сопротивляться! Сделай что-нибудь!

И это было так.

Дознаватель в свете молний встал во весь рост, балансируя на покачивающейся под его ногами крыше кареты.

Его черный плащ, сшитый из многочисленных полупрозрачных черных лоскутков-перьев, то обнимал его, как крылья, то взлетал, словно обрывки тьмы.

Черные металлические когти сверкали, подманивая меня.

Черные провалы глаз над металлическим клювом были пусты и мертвы.

Они завораживали, манили, как манит омут, полный русалок, и я сделала еще шаг, погружаясь с головой в его магию.

Подчиняясь ей.

— Иди... иди сюда!

Дознаватель издевался.

Он знал, что причиняет мне боль, он знал, что я и двинуться не могу никуда, кроме как к нему, и смеялся, наслаждаясь своей властью надо мной.

Я слышала его хриплое дыхание, его недобрый голос, его получеловеческий, полуптичий смех.

Он нарочно усиливал свое воздействие, чтоб я плакала и мучилась, а потом возвращал мне способность понимать и бояться.

И тогда он упивался моим отчаянием.

— Исчадие ада! Носатый садист! Алиса, не ходи! Сопротивляйся! Борись! Осталось совсем немного!

Башня была совсем близко; под крышей, по которой хлестал дождь, я заметила светящееся окошко.

Там было тепло и сухо!

Там не было пронизывающего до костей ветра и ледяного дождя!

И наверняка там был камин, около которого можно было бы обогреться и просушить одежду...

Да только, кажется, мне никогда не попасть туда!

Жизнь моя кончится здесь и сейчас, в отчаянии, холоде и боли.

— Терпи, Алиса!

Но силы покидали меня!

Чуть не рыдая, я сделала еще шаг вперед, обойдя Эйвинда с ловкостью мошенника, больного, поедающего грибы и травы, что сначала дарят ему счастье, а потом ломают все его тело жестокой болезнью.

Я хотела достичь дознавателя!

В его объятьях мне чудился покой и избавление от страданий.

Его когти сжимались и разжимались, вгоняя меня в ужас.

Я не могла не думать о том, как он будет рвать и терзать меня ими, как проведет кровавые полосы на моей спине...

Но боль, пульсирующая в висках, была намного сильнее страха.

И я шла вперед.

— Алиса! — закричал Кит грозно.

Припав на колени, он удерживал наши пожитки, оберегая их от падения вниз, в темноту.

Ответить я ему не могла.

Не могла обернуться, зачарованная взглядом пустых, огромных птичьих глазниц на маске дознавателя.

— Да чтоб тебя!

Мальчишка с руганью отпер мой чемоданчик.

Не знаю, стащил ли он у меня снова ключ, или воспользовался каким-то своим инструментом, но в следующий миг мимо меня просвистел мой бархатный алый кошелек и что есть силы врезался в лоб дознавателю.

Особо много денег у меня с собой не было, но, наверное, Кит был сильный, раз кошелек сшиб с дознавателя шляпу и заставил его покачнуться, словно в голову ему прилетел увесистый булыжник.

Боль на миг исчезла, я в удивлении и ужасе увидела, как по лбу дознавателя льется кровь.

Широкополая шляпа его от удара улетела прочь, и я увидела, что жуткая маска дознавателя безжалостно приколочена к его черепу металлическими скобами.

Это было так жестоко, так страшно и омерзительно, что я заверещала во все горло.

Магия его отпустила меня, я снова почувствовала под ногами нетвердую опору.

Крыша мчащейся кареты качалась, я растопырила руки, чтобы удержать равновесие, но не смогла, и кубарем полетела вниз, в темноту.

— Да чтоб тебя!

Рука Кита настигла меня в самый последний момент, перехватив за запястье, и я повисла над дорогой, семеня ногами и видя внизу только бешено вращающееся колесо.

Только б юбка за него не зацепилась!

Только б юбка не задела за него!

Кит, и верно, был очень сильным.

Он закусил губу, свешиваясь сверху и упираясь одной рукой в доски, а другой он меня держал, он не бросал меня!

— Я держу тебя, Алиса! Я не отпущу!

Дознаватель меж тем пришел в себя.

И то, что у меня есть все шансы стать намотанной на колесо, ему не понравилось.

В ужасе и панике я почему-то вспомнила про Нила.

Отвращение к нему вспышкой пронзило мой разум, и я поняла, что дознавателю велено привести меня целой и невредимой.

Еще бы!

Нил сам хотел испортить мне шкурку!

Исечь меня всю до кровавых полос, розгами. Чтоб места живого не было.

Опозорить, посмотреть, как я буду вопить и извиваться.

Дознавателю наверняка были даны самые четкие инструкции.

И, чтобы Нил сумел насладиться моим унижением, он собирался меня у Кита отнять!

Я почувствовала, как Кит вздрогнул, как дернулась его рука, и поняла, что у него заболела голова, как она только что у меня болела.

Дознаватель терзал своей жестокой магией ему разум, чтобы Кит меня бросил. Потерял в темноте.

Сам дознаватель планировал спрыгнуть вслед за мной, наверное.

Но Кит от боли до крови прокусил губу, зажмурился, и руки не разжал.

Терпел и держал меня из последних сил! Трясся от боли и держал!

А дознаватель страшной черной тенью шел к нам...

Гремели его черные сапоги по ветхой крыше, черный плащ волочился по мокрым доскам...

И тогда против него выдвинулся Эйвинд, сжимая в руках свой магический клинок.

Дознаватель на всем ходу небрежно махнул рукой в сторону эльфа.

Этого жеста, я знаю, хватило бы и для того, чтоб с ног снести быка.

Я даже вскрикнула, понимая, что эльфа сейчас сметет магическим ударом в ночь, под колеса кареты.

Но Эйвинд устоял!

Он не слетел с крыши, как на то рассчитывал дознаватель.

И даже не покачнулся.

Он стоял крепко, будто ноги его вросли в мокрые разбухшие от дождя доски, и, когда дознаватель поравнялся с эльфом, светлый луч взлетел, и!..

Дознаватель закаркал, завизжал голосом хищной птицы, которую душит и бьет соперник.

Узкий луч-шпага, взлетев, отрубил ему все когти вместе с пальцами, и дознаватель клекотал и верещал, дергая рукой так, будто он обжег пальцы.

Но только вот пальцев у него не было...

Это, конечно, остановить его не могло. Только распалило сильнее!

Дознаватель стиснул вместе когти на целой руке, и меж ними за клубилась магия, такая глубокая, такая черная, что ее было видно даже на фоне его черного пальто.

Размахнувшись, он швырнул этот жуткий, лохматый черный клубок в эльфа, но тот и на сей раз не дрогнул.

Одним взмахом он рассек черную сферу, завопившую и заскрипевшую тысячами голосов, а вторым ударом он вогнал свой магический светлый клинок в грудь дознавателя по самую рукоять!

На миг их глаза — синие и яростные эльфа и черные, мертвые дознавателя, — встретились.

И синий взгляд был подобен последнему удару, которым Эйвинд прикончил соперника!

Дознаватель со стоном сполз со светлого луча, кулем повалился на крышу, а затем и вовсе скатился во мрак, под колеса кареты.

Я закричала и зажмурилась от ужаса.

А в следующий миг ощутила, как крепкая ладонь эльфа ухватила меня за запястье, чуть ниже, чем держал Кит.

Я распахнула глаза, и на фоне грозового неба увидела обоих мальчишек — промокших, продрогших, но победивших.

— Тянем ее! — прокричал Кит, но Эйвинд отрицательно мотнул головой:

— Нет! Осталось немного... удержим, а потом отпустим, и сами спрыгнем! Алиса, ты готова?

Паниковать было некогда.

Я снова оглянулась на колесо и сжала зубы, чтобы они не стучали, и чтоб мальчишки не догадались, что мне до смерти страшно.

— Да! — крикнула я.

— Раз, — произнес Эйвинд спокойно, будто считал бобы в своей тарелке, и я ощутила, как они меня раскачивают, отталкивая как можно дальше от колеса. — Два. Три!

Карета и впрямь шла медленнее.

Земля уже не неслась с бешеной скоростью, и я почти-почти успела за ней, когда мальчишки меня отпустили и я ощутила под ногами твердую, утопанную тропинку.

По инерции я пронеслась с десяток шагов и все же шлепнулась, растянувшись во весь рост, на мокрой осенней траве.

Впереди мелькнули две тени, прыгнувшие с уносящейся прочь почтовой кареты, загремел мой чемоданчик, и послышались ругательства Кита.

Не чуя ног от радости, от пережитого страха и нервного возбуждения, я подскочила и побежала туда, к ним, ворочающимся в колючих кустах дикой малины.

— Кит, Эйвинд! Вы целы?!

— Да как будто бы, — охая, отозвался Кит.

— Порядок, — ответил из темноты бесстрастный голос эльфа.

И меня будто током передернуло, радость моя поугасла.

Ужас дохнул стылým холодом мне в лицо, и я пролепетала, нервно сжимая руки у груди:

— Эйвинд!.. Эйв! Ты что... ты убил его? Ты убил дознавателя?!

Эльф вынырнул из мрака. Луна блеснула на его потемневших от воды волосах, зажглась перламутровыми искрами на кончиках острых ушей, на розовых губах.

— Да, — кратко ответил он, и мне стало еще страшнее от его бесстрастности и спокойствия.

Никакой паники, никакого страха...

Все эльфы такие бесчувственные и бесстрастные, или это только мне так повезло, познакомиться с этим невыносимым экземпляром?!

— Да ты крут! — присвистнул Кит, приближаясь к нам двоим и отряхивая свои перепачканные колени. — А может, нет? Может, он жив?

Эйвинд неопределенно пожал плечами.

— Если у дознавателей есть сердца, — ответил он, глядя мне прямо в глаза, не тушуясь и не смущаясь, — то он мертв.

Кит снова уважительно присвистнул.

— И что теперь? — испуганно произнесла я. Эйвинд пожал плечами:

— Ничего. Теперь только вперед. У меня, как и у тебя, теперь нет дороги назад.

Глава 6. Башня Клятв

К башне мы подошли промокшие насквозь и продрогшие.

Ни дать, ни взять — голодранцы.

Несмотря на осень, сад вокруг башни был зеленым и свежим.

Это хорошо было видно в свете занимающегося серенького утра.

И калиточка, такая хлипкая, черная, металлическая, тоже была хорошо видна.

Она и невысокая ограда словно отрезали осень от цветущего лета там, в саду, возле башни.

Здесь, на дороге, по которой мы шли, были лужи, грязь, повядшая желтая трава вдоль колеи.

А там, за черной калиткой из тонких железных прутьев, за оградой, через которую смог бы перелезть и ребенок, было тепло.

Дорожку покрывал сухой белый песок.

Кусты, аккуратно и ровно остриженные, походящие на зеленые невысокие — наверное, мне по плечо, — стены тянулись вдоль дорожки и образовывали...

— Лабиринт? — сморщив физиономию, заныл Кит. — О, только не это! Видит господь, я терпеть не могу лабиринтов! Это все равно, что запутанные в узел кишки! Если не распутает — все, пиши пропало!

Я, усмехнувшись, глянула на него.

— Кишки? — повторила я, слегка удивленная. — И как часто тебе приходилось видеть запутанные кишки?!

— Да уж случалось, — неопределенно ответил Кит.

— Что?! На кого ты учишься?!

— А ты угадай, — вместо него ответил Эйвинд. — С такими-то руками. Наверняка на лекаря.

— На лекаря?! — поразилась я.

Кит лишь кивнул головой, тараща глаза и всем своим видом как бы говоря — да, я лекарь!

Представь себе, я выбрал эту уважаемую и нужную профессию!

— Постой... Но лекарская академия не такой уж отстой. И даже наоборот. Она очень престижна! Тебе просто невероятно повезло, что ты туда попал! А ты там отучился пару лет, и с такой легкостью ее бросаешь?!

— Поверь, мне нелегко дался этот выбор! — паясничая и стуча зубами от холода, ответил Кит. — Точнее, его почти сделали... за меня. Ректор лично меня приглашал и намекал, что я очень позорю его заведение своим присутствием. Мой вид ужасен, моя одежда рубище, а моя теперешняя профессия вызывает у него отвращение. И, несмотря на мои успехи в лекарском деле, либо я плачу больше денег за то, чтобы деканат и дальше терпел мое присутствие, или убираюсь на все четыре стороны.

И он так и покатился со смеху, хотя, откровенно говоря, я не видела ничего смешного.

— Чего ты веселишься? — спросила я.

Кит, пряча озябшие, покрасневшие то холода руки в коротковатых рукавах курточки, весело глянул на меня.

— Они знают, что я воришка, — весело ответил он. — Они очень, очень осуждают меня за мой образ жизни, но велют больше воровать, чтоб оплатить обучение.

И он снова расхохотался.

— А ты, конечно, боевой маг, — обернулась я к Эйвинду.

Эльф лишь кивнул.

Он вообще был очень немногословен и как будто... сторонился меня?

Не смотрел в мою сторону, не пытался заговорить, не пытался ничего рассказать. Девчонок не любит или это я ему так не нравлюсь?

— И тоже не доволен отношением ректора к своей персоне?

Эльф отрицательно мотнул головой.

— Я недоволен, — нехотя ответил он, — теми небольшими и унижительными возможностями, что откроются передо мной. Быть слугой богатого господина, довольствоваться объедками и обносками — вот что мне светит. Выше подняться мне не дадут...

И он снова замолчал.

Да, собеседник из него так себе.

— А ты на кого хочешь учиться, Алиса? — спросил Кит.

Я пожала плечами:

— Даже не знаю. Но если все удастся, то, думаю, времени до начала занятий мне хватит, чтобы определиться. Да хотя б узнать, на кого там учат.

— А твой дед не сильно — то много тебе рассказал о своей академии!

— Что ж поделать. В нашей семье это было что-то вроде табу. Потому что стоило деду об этом заговорить, хоть слово промолвить, как тотчас же появлялся кто-то и называл его городским сумасшедшим. А это не так-то приятно для солидного и серьезного человека!

Наконец, мы добрались до калитки, я толкнула ее рукой.

С тихим скрипом калитка открылась, и подозрительный эльф наморщил нос, привычно нащупывая свой ключ.

— Так просто? — спросил он недоверчиво. — Заходи, бери что хочешь?

— Ты уверен, что сможешь взять? — ядовито поинтересовался Кит.

— Это моя работа, — напомнил эльф без тени хвастовства.

— Фу ты, ну ты, — насмешливо произнес Кит. — Маг-недоучка ведет нас в бой... хорошо! Обещаю распутать твои кишки, если они на что-нибудь наматаются!

— Хватит болтовни! — скомандовала я, ощущая себя главной в нашей небольшой компании. — Идем!

— Чего это ты командуешь? — возразил вдруг строптивый эльф. — Может, для начала выберем главного, того, кто умеет думать, а не только нестись напролом?

— То есть, тебя? — насмешливо спросил Кит.

— Некогда нам выбирать, — отрезала я. — Назначаю главной себя! А вы, господин несговорчивый рыцарь...

В кармане я нащупала монетку, наверное, самую мелкую из всех, что у меня были, и без предупреждения кинула ее в эльфа.

Тот поймал.

Не мог не поймать — реакция у него была отменная. Все-таки, боевой маг.

— Приняли плату? — холодно осведомилась я.

Эльф ахнул, с запозданием поняв, что именно я в него метнула, и разжал пальцы.

Господи, затертый медный грош!

У Эйвинда даже острые уши от стыда запылали.

Его первый найм — и за такую мизерную плату!

А по правилам он отказаться не мог, если его руки коснулись денег.

Большого унижения он, наверное, не получал за всю свою жизнь.

Но мне действительно некогда было спорить с этим упрямым и убеждать его.

— Значит, будете моим личным телохранителем все то время, пока мы будем добираться до Академии.

— Попа-а-лся, — похихикивая, поддел его Кит. Эльф метнул на воришку яростный взгляд, зажав монету в кулаке так, что костяшки побелели. — Но ты не переживай. В этом есть свои плюсы. Это послужит тебе хорошим уроком на будущее!

— Не сомневаюсь, — сквозь зубы процедил эльф.

И мы вошли в сад.

Да, я была права.

В саду было лето, притом жаркое такое, что мне пришлось расстегнуть пальто.

Несмотря на раннее утро, солнце пекло нещадно, будто было уже в зените. Трещали кузнечики, в ароматном воздухе летали бабочки...

И почему-то очень сильно пахло рыбой.

Вот будто где-то за стеной из стриженных кустов стоял прилавок со свежепойманными карпами.

— Может, ну его, бродить по лабиринту, — ныл Кит. — Давайте просто перелезем через кустарник. Он же совсем невысокий! Так будет быстрее.

Эйв шел впереди всех.

Услышав хныканье Кита, он обернулся и насмешливо произнес:

— Давай, попробуй. Похоже, это твои кишки придется распутывать, если ты такой глупый!

Кит смолчал в ответ на это оскорбление и ткнул в зелень пальцем.

И зеленая стена, до этого момента выглядевшая мирно и прекрасно, вдруг впилась в руку Кита листьями, оказавшимися плотоядными и очень голодными.

— А, черт тебя дери! — заорал Кит, отбиваясь от кусачей зелени. На его пальце крохотными капельками крови обозначились мелкие укусы, места, куда вонзились плотоядные шипы. — Мой палец! Они искушали мой палец! Черт! Почему ты не предупредил?!

Эльф снова с усмешкой покосился на Кита.

— Ты же у нас самый умный, — ядовито заметил он. — Ты бы мне все равно не поверил, да еще и посмеялся. А так проверил все сам. Это же сторожевые кусты. Самое простое оружие для таких дураков, как ты. Если б ты сунулся напролом, они бы тебя до костей обглодали.

— Но они искушали мой палец! Мог бы заранее сказать, что это за твари! Ты хоть представляешь, что это значит для меня?!

— Ничего, недельку не сможешь воровать.

— Неделку?! Они что, ядовитые?! Палец распухнет?! Онемееет?! Сойдет ноготь?!

Эльф не ответил, но по его смеющемуся взгляду я поняла, что он очень доволен паникой Кита.

Но долго им пикироваться не пришлось.

Из-за поворота, цепляясь панцирем за хищные ветви зеленой изгороди, выползла огромная, размером с теленка, улитка.

На дорожке за нею оставались целые лужи слизи, длинные щупальца с крохотными черными глазками вытягивались в нашу сторону.

Это было так жутко, что мы невольно попятились.

А улитка возбужденно зашевелилась, вытягивая голову все дальше из своей раковины, растягивая черную дыру рта и как будто бы принюхиваясь.

— Сторожевая плотоядная улитка, — пробормотал Эйвинд, отступая назад раскинув руки, прикрывая нас. — Надо было догадаться. То-то тут так отвратительно воняет...

— Улитка? — удивилась я. — Что она сделать может?

— Заглотит руку, зажмет ее намертво, например, и будет ее пережевывать, — ответил Эйвинд.

— Так можно ее ранить, отпугнуть...

— Даже если отпугнуть, она успеет перетереть пару пальцев. А если не отпугнуть, то можно почувствовать, как она переваривает тебя заживо.

Улитка отвратительно скрежетала и повизгивала, словно в ее желудке перетирались и лопались камни.

Хищные злобные ветви кусали и цапали ее твердую раковину, но соскальзывали с противным хрустом, не причинив никакого вреда.

Ну, разве что оставив на ее твердой темной раковине белые, еле заметные царапины. И это ничуть не добавляло улитке очарования.

Кит, увидев этого монстра, так и замер посередине дорожки, с раскрытым ртом.

— Это что ж такое, — простонал он, наконец. — Я до ужаса боюсь всяких мерзких тварей! А тут их пруд пруди! То изгородь, то это ползающее одеяло...

Еще понять ему не дали.

Улитка, возбужденно нюхающая воздух, решила, что ей пора подкрепиться, и без лишних сантиментов кинулась на нас.

Эйвинд закрыл меня собой.

Все же, я его наниматель!

Закинув руку за спину, он прижимал меня к себе, к своей спине, одновременно проверяя, не слишком ли близко я к нахожусь к плотоядной изгороди.

Своим магическим мечом он, что есть сил, полоснул по раковине улитки, вынуждая ее отступить от нас.

Бздынь!

Раковина, конечно, выдержала.

На ее коричнево-зеленой, как речное дно, шероховатой поверхности появилась белая глубокая борозда там, где меч Эйвинда выщербил ее.

Улитка, огибая нас, боком отерла зеленую изгородь.

Треск маленьких зеленых зубов о ее панцирь стоял просто невероятный.

Просто мороз по коже.

Но улитке как будто бы не было больно.

Конечно, она не тронула, пронеслась мимо, угроза быть разрушенной не позволила на нас напасть.

Но и прыти не сильно поубавила.

Кит, не промолвив ни слова, отпрыгнул к изгороди и распластался у нее, придвинувшись как можно ближе к ветвям, но стараясь не касаться их.

Раскинув руки, он едва ли не вжался в стену зелени.

И улитка по инерции пронеслась и мимо него, невероятно шустро скользя на своей слизи по дорожке.

Одна зеленая ветвь, длиннее всех прочих, пребольно и злобно куснула Кита за скулу, в опасной близости от глаза.

Это ранение он пережил стойко, лишь поморщился, и мстительно обломал ветку, как только оказался в безопасности и смог отстраниться от изгороди.

Улитка, хватая ртом камни и песок с дорожки, кое-как развернулась, зловеще пища.

Она снова нацеливалась на нашу компанию и явно желала пообедать хотя одним из нас.

— Своей тыкалкой ты эту тварь не поймешь! — прокричал Кит, отирая выступившую на лице кровь. — Тоже мне, боевой маг!

— Придумай что-то сам, если такой умный! — огрызнулся Эйвинд.

Пока мальчишки переругивались, я лихорадочно соображала, что же можно сделать.

А что тут сделаешь, если даже меч Эйвинда эту тварь не берет.

Улитка снова двинулась к нам, намереваясь напасть.

Кит снова припал к изгороди, отпрыгнув с пути злобно пыхтящей твари.

Эйвинд нацелил на нее свой меч, а я...

А я почему-то вспомнила, как дед учил меня взнуздывать пони.

Можно, конечно, и руками, но это долго. А если надо быстро?!

Мой детский ключик был мал и слаб. Но даже в нем было достаточно магии, чтобы про-
делать это. А в ключе самого деда?

Не помню, как выхватила ключ из-за пазухи, не помню, как наставила его на улитку.

В голове был только образ заседланного пони, перед глазами — пыхтящее чудовище.

— Подчинись!

Ключ деда ответил мне яркой, слепящей вспышкой, так, что я даже зажмурилась.

И поэтому не сразу поняла, почему смеется Кит и похмыкивает Эйвинд.

Насмелившись, я открыла глаза и увидела, что мальчишки едва не катаются по земле со
смеху, а несчастная улитка стоит оседланная, взнузданная и очень несчастная.

Самое интересное, что седло на ней было улиточное!

Широкое и длинное, на всю раковину.

И уздечка какая-то особенная.

Как бы улитка не плющила голову, как бы не пыталась разинуть рот пошире, а выплюнуть
удила ей не удавалось.

Да и вывернуться из узды тоже.

Повод был привязан к кусачему кустарнику, и улика, заметно погрузневшая, стара-
тельно убирала глаза на вытягивающихся щупальцах подальше от зубастых листков.

— Ты покоритель улиток, Алиса! — в восторге прокричал Кит. — Интересно, а на ней
теперь можно кататься? Она слушаться будет?

— Если тебе рвать рот железом, то и ты будешь слушаться, — проворчал Эйвинд.

Кажется, мой бравый эльф был слегка смущен и раздосадован, что не он, а я справилась
с чудовищем.

Ну, надо же, какие мы чувствительные и гордые!

— Давай, залазь, — скомандовал между тем Кит.

Он уже не боялся улитку; по-свойски он подтянул улиточью подпругу (никогда бы не
поверила, что такая существует, если б не увидела своими глазами), развязал повод, обломав
отчаянно кусающуюся веточку.

— Доберемся до Башни с ветерком! Ушастый, ты сядешь впереди и будешь тыкать улитку
своим мечом, если она вдруг заупрямится!

— Кит, у тебя на лице кровь, — машинально произнесла я, подойдя к нему вплотную.
— Дай оботру.

— Да, ерунда, — весело отмахнулся он, но все же позволил мне промокнуть его скулу
платком.

Да еще и приобнял за талию!

При этом делая максимально серьезное лицо!

Как будто весь сосредоточен на том, как я обрабатываю его рану!

— Руки убери, — грозно произнесла я, закончив оттирать кровь из-под его глаза.

Ранка слегка отекала, глаз немного заплыл, и вид у Кита был хитрющий.
 Мой строгий
приказ его не напугал, он лишь крепче сжал руки на моей талии и обаятельно улыбнулся,
заглядывая в мои глаза.

Ох, как он смотрел!

Меня обдало волной жара, даже дух занялся, я не могла не вздохнуть, не выдохнуть.

Почему-то мне подумалось, что мы ведем себя как на первом свидании.

Я робко и растеряно, а он нахально и чересчур смело.

И, сдается мне, при его обаянии, красоте и хорошо подвешенном языке этих свиданий
у него было превеликое множество!

О, Кит пользовался успехом у девушек, несомненно!

Потому что руки его были слишком умелые и слишком смелые для юного мальчишки, впервые оказавшимся с девушкой наедине.

Он обнимал со знанием дела, без опаски и без стеснения

— Тебе же так удобнее, — вкрадчиво и негромко произнес он, улыбаясь так, что у меня пальцы начинали заметно дрожать. — Ты так стоишь ко мне максимально близко...

И он обнял меня еще крепче, плотнее прижал к себе, да так нахально, что я едва не задохнулась от смущения.

Я ощутила его теплые ладони на своей спине, его дыхание у своего лица, его легкий смех — он прекрасно понимал, что со мной происходит, он видел мои покрасневшие щеки и чувствовал, как в моей груди неистово колотится сердце...

А еще я ощутила на себе взгляд эльфа!

Как он дырку во мне не просверлил своими злыми синими глазами!

Меня просто обожгло, когда я на миг поймала горящий сразу тысячью чувств синий взгляд остроухого красавца!

В этом взгляде было столько страсти, что длись он дольше, я бы упала в обморок или вовсе умерла бы от разрыва сердца, пораженная силой этого взгляда!

Но на мое счастье, я лишь мельком успела видеть, как эльф на нас с Китом смотрит.

Заметив, что я обратила на него внимание, Эйвинд отвернулся и попытался придать себе безразличный вид.

Вот только кончики его длинных острых ушей горели, красиво вырезанные ноздри трепетали, а чувственные губы сжались плотно-плотно и побелели.

«Ого, господин эльф, — с изумлением подумала я. — Да вы, похоже, ревнуете?! Но к чему? И с чего бы это? К тому, что внимание не на вас обращено, а на соперника? Вы такой тщеславный, господин эльф, что не терпите, когда уделяют внимание не вам? Или он к Киту ревнует? Это было бы странно. Я же Эйву не нравлюсь? Или нравлюсь?..»

Это поведение эльфа поставило меня в тупик.

В самом деле, он же сам всеми силами делает вид, что и смотреть-то в мою сторону не хочет!

Весь такой холодный, строгий, занудный и неприступный!

И вдруг такие пылки взгляды. Да его взглядом можно было льды на полюсе растопить!

«А может, он рассердился, что с Китом я на равных, а его наняла! — промелькнула у меня в голове догадка. — Да, с наймом нехорошо вышло. Надо бы уладить это».

— Эйвинд, — произнесла я, отстраняясь от Кита. Тот поморщил нос и отпустил меня с явным неудовольствием. — Пожалуйста, прости меня. Я не хотела тебя обижать. С этим наймом я погорячилась...

Эйвинд обернулся ко мне, и я снова чуть не задохнулась от огня в его глазах!

Боже. Зачем он так смотрит. Зачем.

— Просто не было времени тебя уговаривать, — заволновавшись отчего-то, затараторила я, глядя в бесстрастное лицо эльфа. — Я же понимаю, что мне тебя и с места не сдвинуть, если ты не захочешь. А найм... ты же человек слова. Я знала, то есть, я понимала, что ты чтишь рыцарские законы чести, поэтому немного схитрила! Ты нужен мне, — эльф снова насмешливо-удивленно вздернул бровь, и я тотчас исправилась. — Ты нужен нам, нашей маленькой компании. Поэтому я заманила тебя сюда... с нами. Но сейчас-то ты знаешь, что я не хотела найма. Поэтому верни монету, и мы просто все забудем... Да я еще раз десять попрошу прощения!

— Нет, — внезапно дерзко и с вызовом ответил Эйв.

Когда он не притворялся бесчувственным поленом, голос у него был звонкий, живой и волнующий. Такой же сильный, как и его взгляд. Так же поражал в самое сердце и заставлял дыхание останавливаться.

Эльф чуть улыбнулся, но я не поняла, что он хочет выразить этой улыбкой. В ней была и гордость, и упрямая дерзость.

— Наняла, так наняла, — продолжил упрямый эльф, демонстративно подбрасывая на ладони мою затертую старую монетку. — Я не стану так бесславно сливать первое в моей жизни задание. Отказаться? Отступить? Нет.

У меня, наверное, от удивления лицо вытянулось, и я ощутила себя полной дурой.

«Пожалела, да? — язвительно спросила я сама себя, сгорая от стыда. — Будет тебе уроком! Нечего жалеть этого противного, избалованного, эгоистичного!..»

— Но плата слишком мала, — горячася, выкрикнула я. — Если я и нанимала тебя, то ты уже отработал!..

— Нет, — так же упрямо и дерзко ответил эльф, все так же глядя мне прямо в глаза. — Так договор с телохранителем не рвут.

Как рвут договор, я не знала. Наверное, для этого существует какой-то ритуал?

— На твою монету, — подал Кит голос, — он должен что-нибудь купить. Тогда ваша... э-э-э... связь будет считаться расторгнутой. А если не купит, то он так и будет считаться твоим наемником. И ни к кому другому не пойдет.

— Так и будет таскаться за мной?! — ужаснулась я. Вот они, последствия необдуманных поступков! Я что, рискую всю жизнь провести в компании зануды-эльфа, который будет психовать, злиться, портить мне нервы?!

— Да! — подтвердил Кит.

— Дай сюда монету! — прорычала я страшнее, чем рычат баныши.

Но моя злость лишь рассмешила эльфа.

Он снова демонстративно подкинул ее на ладони и крепко зажал ее в кулаке.

— Никогда, — упрямо ответил он. — Я оставлю ее себе... в качестве амулета. На удачу.

Щеки мои пылали от стыда, я изо всех сил старалась сделать вид, что упрямство Эйвинда мне безразлично. Но получалось плохо.

Эльф тоже что-то пытался изобразить. Он отвернулся от меня и придал себе вид беззаботный и даже слегка радостный. И это бесило больше всего!

«Чего же ты улыбаешься, остроухий, противный, надутый индюк! — ругалась я про себя. — Как будто сделал что-то хорошее! О, невыносимый какой! Скорее бы дойти до Академии... надеюсь, если нас всех примут, я больше тебя никогда не увижу? Пусть тебя поселят куда-нибудь подальше от меня! И на факультет боевых магов я точно не пойду, чтобы не дай бог не столкнуться с тобой нос к носу!»

Кит, посмеиваясь, помог мне влезть на улитку и усадил в странное, но вполне удобное седло.

Я могла притворяться сколько угодно, но он был достаточно проницателен, чтобы понять, что мне несладко после размовки с Эйвиндом.

— Не злись на него, — снисходительно произнес он, косясь на надутого, сердитого эльфа. — Он же эльф! А эльфы — вредные, подозрительные и недоверчивые существа. Он не со зла, просто иначе не может.

Успокоив меня и устроив на спине загрустившей улитки, он обернулся к эльфу.

— Эйв, — примирительно позвал он. — Едем! Улитку наверняка кормят в башне. Там же у нее и логово, наверное. Она чувствует себя там в безопасности. Туда и поползет. И нас отвезет заодно.

Эльф обернулся к нам. На его лице было запечатлено самое отвратительное, самое упрямое и самое сладенькое до тошноты выражение, от вида которого мне захотелось обозвать этого паршивца как-нибудь пообиднее! Чтобы он перестал так противно улыбаться!

Но я смолчала, отвернувшись от зловредного эльфа, хотя во мне все кипело. Не хватало нам еще рассориться и не достигнуть из-за этого нашей цели.

«Ничего, — думала я, пока мальчишки устраивались на спине улитки. — Мне бы только расколдовать Академию! Эльф и правда полезен в этом деле. А потом мы с ним окажемся на разных факультетах, и все!»

Интересно, знал ли Кит, что на улитке мы действительно доедем быстрее, чем дойдем своим ходом, плутая в лабиринте?

Правда ли он так боится всяких тварей, как говорит? Не знаю.

Но на улитке мы разместились все, а эльф, взяв поводья в руки и понукая ее, заставил ее весьма бодро двигаться.

Она поползла по дорожке, хныча и жалуясь на своем улиточьем языке, и очень быстро.

А еще в нужную сторону, весьма уверенно преодолевая лабиринт.

Башня за зелеными стенами перемещалась то влево, то вправо, но однозначно становилась все ближе.

Видимо, улитка ориентировалась по своему собственному запаху, а может, просто хорошо выучила дорогу. Но к башне мы добрались очень быстро.

— Снова открыто? — недовольным тоном произнес Эйвинд, рассматривая приоткрытые двери на входе в Башню. — Не нравится мне это.

— Зато не придется возиться с замком, — ответил Кит беспечно, привязывая нашу улитку к перилам лестницы, ведущей в Башню.

Эйв снова покосился на него в своей обычной манере:

— Странно слышать это от карманника и воришки, — произнес он едко. — По-моему, лучше возиться четверть часа с замком, чем неизвестно сколько неизвестно с чем, стерегущим Башню.

— А ее точно стерегут? — в тон ему ответил Кит. — Я вот слышал, что тут просто невозможно что-то найти, и поэтому Башню смысла нет запираить. Как, кстати, ты рассчитываешь найти клятву своего деда? Есть какой-то верный способ?

Этот вопрос ввел меня в ступор, и я знала, что ответить.

Стояла, как дурочка, открывая рот и хлопала глазами.

Признаться, об этом я не подумала.

И дед ничего не подсказал мне!

Он старался выполнить клятву, данную черт знает кому, даже жертвуя мной.
Честь? Доблесть? Или жестокость по отношению ко мне? Как все тесно сплетено...

Между тем Эйвинд покачал головой, всем своим видом выражая неодобрение моих умственных способностей.

— Но ты же еще даже не на первом курсе, — проворчал он. — Что с тебя взять... Откуда тебе знать, как ищут клятвы!

— А ты, стало быть, знаешь? — насмешливо уточнила я.

Это были первые слова, обращенные мной к Эйву после нашей ссоры.

И он посмотрел на меня, тоже впервые с того мига, как мы разругались.

Меня снова словно окунули в ледяную прорубь.

Взгляд эльфа, обращенный ко мне, был недружелюбен и холоден.

Губы упрямо и крепко сжаты.

Моя монетка, медный грошик — он вертел ее в своих пальцах, отполировав ее бока до блеска.

Вот зачем она ему, эта монетка?!

Зачем ему вообще быть со мной связанным, из вредности?

Мозолить мне глаза?! Дразнить?

Мстительный засранец!

Чувствуя, как негодование снова закипает у меня в груди, я шумно выдохнула, стараясь успокоиться.

Эльф, почуяв мою нервозность, чуть усмехнулся, и снова демонстративно подбросил монетку.

— Знаю, конечно, — ответил он очень вежливо и сладко, услужливым и ласковым тоном. — На входе должны быть ловушки клятв. Это как фонарь. Берешь клятву, вставляешь ее вместо свечи и видишь, та она или не та.

— Но там же сотни тысяч клятв! — ахнул Кит.

— Другого способа нет, — отрезал Эйвинд.

— Но мы можем никогда, никогда ее не найти! Состариться тут, но не найти!

— Но у нас есть крошечный шанс, — ответила ему я. — Кит, Эйв, вы можете вернуться обратно. Я не в праве заставлять вас со мной тут... стариться.

— Я не могу, — сказал зловредный эльф, снова подкинув монетку на ладони. Он решительно двинул наверх, по лестнице к входу в башню, еще раз глянув на меня с нескрываемым вредным злорадством, и мне оставалось только еще раз раскаться в своем необдуманном найме.

— А я не оставляю тебя одну, — сказал Кит и двинул за Эйвом. — Идем, поищем нужную клятву.

Ловушки для клятв выглядели ну точно как обычные фонари, только очень старые и ржавые. Их стекла были толстые и мутные, не протирались сто лет. Вооружившись ими, мы поднялись на четвертый этаж по винтовой лестнице, опоясывающей Башню. Тут хранились клятвы, данные в этом столетии.

Эйв толкнул двери, ведущие в комнату, расположенную в сердцевине башни, и под ноги нам хлынул целый поток из радужных шаров. И желтые, и красные, и изумрудно-зеленые...

— Ничего себе! — воскликнул Кит, отпрыгнув от лавины клятв. — И как тут найти нужное?..

— Для начала нужно б узнать, какого цвета клятва, — ответил строгий, как учитель арифметики, Эйв. — Алиса, бери шарик любого цвета и вставляй в свою ловушку. А потом думай про своего деда, про Академию, про то, что с этим всем связано.

Я подчинилась.

Набрав с пола всяких разных шариков, я по одному вставляла их в фонарь и думала, думала о зачарованной академии, о кукольном домике, куда так хотелось попасть нам всем троим, но фонарь не зажигался.

Но когда я воткнула в фонарь оранжевый шар, он вспыхнул теплым красивым светом.

— Клятва родовой чести, — выдохнул Эйвинд. — Это же хорошо! Таких клятв меньше всего! Значит, нам нужны только оранжевые шары! Кит, проверяй только оранжевые!

Мы забрались в комнату, утопая по колено в шариках, и принялись за дело.

Но клятв оранжевого цвета было все равно много.

Если тут, в этой комнате, было сто тысяч или миллион шаров разного цвета, то по крайней мере десять тысяч из них были оранжевые.

Мы вставляли шары в фонари, ждали, да и выкидывали их за порог комнаты, чтоб не спутать с еще не проверенными.

Погружали руки в звенящую разноцветную массу, выбирали, снова проверяли, и так снова и снова.

Занятые своей работой и перестуком тысяч красивых шариков, мы бы не услышали крадущихся шагов на лестнице.

Кто-то шел вниз с верхних площадок, явно желая остаться незамеченным.

Но накиданные нами оранжевые клятвы сыграли с неизвестным злую шутку. Видимо, он наступил на один из шаров и с грохотом растянулся на лестнице.

Мы все побросали свои фонарики и насторожились.

— Что это? — выпалил Кит.

— Кто-то еще, помимо нас, есть в башне? — так же подозрительно ответил ему Эйв.

— Не помимо, а одновременно с нами! — выкрикнула я, подсакивая. С моего подола разноцветным дождем разнообразные клятвы ливанули ко мне под ноги. — Я не верю в такие совпадения!

Увязая ногами в шариках, мы кинулись к выходу из комнаты и успели увидеть того, кто теперь удирал от нас, тихо чертыхаясь, хромая и почесывая ушибленную коленку.

Темный плащ стлался по ступеням вслед за беглецом.

Эйв, выхватив свой ключ, гневно выкрикнул:

— Стой, адепт Тени! — и прыжком выскочил из комнаты, вслед за беглецом.

Но адепт чего бы там ни было и не думал слушаться Эйва.

Даже наоборот.

Услышав грозное предупреждение, он прибавил ходу, хотя его ушибленная нога доставляла ему неудобства. Оранжевые шарики скакали вслед за ним, лились тонким ручейком по ступеням.

Следом скакал Эйв, громыхая этими самыми шариками в растоптанных, разбитых башмаках, а потом мы с Китом.

И Кит меня обогнал.

Обогнал бы он и Эйва, если б тот не грохнулся, и я сначала не поняла почему.

Но Эйв вдруг запнулся и упал, свалив и наткнувшегося на него Кита.

Но поравнявшись с поверженными мальчишками, я увидела, что из бока эльфа торчит дротик!

А по его одежде темным пятном расплзается кровь!

— Лови его! — гаркнул Эйв, заметив, что я притормозила и, кажется, собираюсь оказывать ему помощь. — Не время возиться со мной! Лови его, иначе все пропало!

И я припустила что есть сил, на хоту вытаскивая дедов ключ.

Ах, как я жалела, что такая неопытная!

Ключ сильный, но что я им умею делать?

Чуть больше, чем ничего.

А неизвестный умеет стрелять дротиками; мимо меня пролетело два, но я, уже знающая о такой способности неизвестного, уклонилась.

— Путы! — выкрикнула я первое, что пришло мне в голову, и взмахнула ключом.

Ноги убирающего мерзавца тотчас же оказались связаны, и он грохнулся, растянулся на лестнице, завизжав совершенно по-девчачьи.

Я успела рассмотреть не только новые крепкие ботинки на связанных ногах, но и увидела злой взгляд в свою сторону.

Но этого было достаточно, чтобы я остолбенела, на всем бегу остановилась и тоже грохнулась на ступени, поскользнувшись на шариках.

Под плащом мерзавца скрывалась Беата!

Моя сестра!

Хорошо одетая, с новым, мощным фонарем-ловушкой в руках!

Это означало только одно: она все же поступила на службу в приличную семью...

И, скорее всего, к Нилу.

А раз она здесь, и убегает от меня, то искала наверняка тоже клятву деда.

И семья Нила как-то к этому причастна.

Эти мысли пролетели в моей голове в один миг.

Но Беата освободилась от пут еще быстрее и подскочила на ноги.

Настигший ее Кит вскрикнул болезненно, дротик пропорол его плечо.

Охнув, мальчишка осел рядом со мной, и оба мы услышали топоток ног Беаты, смолкший где-то внизу.

— Ты почему не нападала на нее? Знаешь ее? — произнес Кит, потирая раненное плечо.

Я лишь кивнула; на глаза мои медленно наплзли слезы грозя потопить целый мир.

Беата, моя сестра!

Она явилась сюда, чтобы опередить меня, чтобы выкрасть клятву деда и разрушить мое будущее!

Впрочем, как до этого ее будущее и ее мечту разрушила я...

Но, кажется, Нил за ее готовность насолить мне все же принял ее на работу.

Да и наказание в виде публичной порки ей не грозило.

А мне грозит.

— Это моя сестра, — еле сдерживая слезы, ответила я. — Предательница... за кусок хлеба и жирную похлебку! Согласилась работать на врагов! На тех, кто деда обманул, кто лишил нас будущего — и ее в том числе! Это конец... просто конец!

И я тихо заплакала, вдруг разом ощутив, как хочу есть, как устала и как вымотана морально.

— Дура, — грубо ответил спустившийся сверху Эйв.

Он рукой зажимал свою рану и прихрамывал, но в целом как будто не собирался помирать.

— Дура, — согласился Кит и протянул мне пару шариков на раскрытой ладони. Оранжевый и зеленый. — Ну, не плачь. Вот он, ее улов. Не смогла она его утащить своему хозяину.

— Кит! — воскликнула я, отирая слезы и не веря своим глазам. — Ты что, успел обокрасть ее?! Да у тебя точно руки волшебные!

— Надеюсь, — злобно проклекотал Эйвинд, рассматривая добычу Кита, — ее новый добрый хозяин всыплет ей как следует!

Глава 7. Академия

Ранение Кита было несерьезным, его лишь слегка оцарапало, а вот у Эйвинда рана была посерьезнее.

Дротик пронзил его бок глубоко.

Эльф вытащил его, но кровь не унималась.

Эльф постанывал, прижимая рану ладонью, пальцы его были перепачканы густой красной жидкостью.

От этого делалось тревожно и страшно.

— Плохо дело, — экспертно произнес Кит. Он как-то очень быстро привел себя в порядок, даже кровь на рукаве его куртки потускнела, стала не такая яркая. — Дай-ка я посмотрю, в чем дело.

— Нет, зачем, — воспротивился Эйв. — Само пройдет.

Кит грозно нахмурил брови.

— Ты ведешь себя как мальчишка, который разбил коленки, порвал чулки, и боится показать матери! — строго произнес он. — Тебя что, злые лекари в детстве часто мазали жгучими отварами? Сию минуту дай мне посмотреть!

— Да уже почти не болит, — наивно изворачивался эльф. В его голосе я слышала жгучий стыд; он как будто стеснялся раздеваться при мне и туже стягивал на шее ворот своей ветхой одежки.

— Сию минуту! — злобно процедил Кит, уничтожающим взглядом глядя на эльфа, у которого даже кончики ушей от стыда пылали. — Я лекарь. Передо мной даже девицы раздевались, и ничего!

— Так-таки и раздевались!

— Раздевались, — Кит не стал паясничать. Он кивнул очень серьезно. В его темных глазах не было и тени смеха. — И я одну вылечил от воспаления легких, а вторую от воспаления кожи. Вот такой фурункул, раздуло что твой апельсин. Ну же. Как ты собираешься быть боевым магом, если стесняешься лекарей?! Тебе дракон ногу откусит, а ты будешь стыдливо упрямыться и не снимешь штаны?!

Эйв кинул на меня настороженный, полный стыда взгляд.

— Пусть она отвернется! — выпалил он, багровея от стыда.

Кит только фыркнул.

— Какое трогательное целомудрие! — проворчал он, извлекая из своего узелка, пристроенного на пояс, склянку с прозрачной жидкостью. — Отвернись, Алиса. А то он тут помрет нам назло. Давай, парень, покажи мне кусочек голого секса.

Я ничего не сказала и послушно отвернулась, хотя мне до смерти было интересно, что там такого эльф скрывает под своей драной курткой.

Я честно не думала подсматривать.

Но прямо перед моим лицом оказалась ловушка клятв, старая и почему— то закопченная, словно ее долго использовали как обычный фонарь.

И на ее стеклянной стенке все прекрасно отражалось.

Так что я замерла, затаилась, и даже дышать перестала, чтоб не вспугнуть стыдливого эльфа.

Кит с деловым видом ополоснул остро и неприятно пахнущей жидкостью из бутылки руки, пока эльф раздевался.

— Ну-с, приступим! — важно произнес Кит, обернувшись к своему пациенту. — Давай, давай, задирай рубашку. Или нет, сними ее вовсе!

Эльф, жалобно постанывая, подчинился, и Кит склонился над его раной.

— Потерпи, сейчас больно будет, — произнес он и плеснул ему на бок своей таинственной жидкости.

Эльф сцепил зубы и взвыл, жмурясь.

Кровь смыло с его дрожащего бока, Кит склонился еще ниже, внимательно осматривая рану.

— А, ну, все понятно, — тоном знатока произнес он, рассмотрев ранение эльфа. — Дротик зазубренный был? Смотри, ты распорол кожу, когда его вынимал. И, кажется, он обломался. Наверное, старый был, или поврежденный. Вот торчит обломок. Сейчас я его вытащу, и все пройдет.

Кит снова склонился к своему узелку, а я с любопытством принялась разглядывать эльфа в отражении.

Ничего такого особого не было в его обнаженном теле.

Обычное мальчишеское тело.

Худощавое, гладкое, с торчащими ключицами, с четко очерченными мышцами под тонкой кожей.

Эльф был изящен, красиво сложен. Светлокож, немного угловат, пожалуй.

Но ничего уродливого и даже просто некрасивого в нем не было.

А на раненом боку, чуть выше порванной кожи, начерченный самой природой, был нанесен рисунок. Красивые цветы и переплетение трав.

Один цветок, самый крупный и выбивающийся своей инородностью из общей картины, был темен, сморщен и как будто бы увял.

Разглядывая это, я ощутила приступ удушливого стыда и горечь во рту, будто меня заставили выпить самое горькое лекарство в мире.

Чужая тайна, которую я хотела узнать с таким глупым и эгоистичным любопытством, была не страшна и не постыдна.

Но для гордого эльфа, наверное, это было очень, очень мучительно.

«Отвергнутый, — поняла я, опуская лицо, чтоб не видеть увядшего цветка. — Вот почему ты меня дразнишь! У тебя есть все причины не любить девчонок... Эльфы же обручаются рано и на всю жизнь. А тут такое. Сначала она дала согласие, а потом отвергла. Лишила опоры и поддержки. Перечеркнула намеченный путь. Может, потому что обеднел. Или потому, что разлюбила. Наверное, соплеменники его порченным считают, шушукаются за спиной. И девушки— эльфийки на него и не смотрят. Смеются над ним, если не смог удержать ту, что себя ему пообещала. Одиноким и отвергнутым. Для кого ему теперь жить? Это даже человеку неприятно будет; а гордому элфу, который сказал ей «навсегда», это вообще как пощечина, позор на весь мир. И такие раны на душе заживают долго, намного дольше, чем царапина на боку. А раз цветок все еще изображен на его коже, то, наверное, Эйв ее до сих пор не разлюбил. Да уж... ему точно не семнадцать!»

Кит же вел себя как профессионал.

Он ни звуком, ни жестом не выдал своего изумления, узнав маленькую стыдную тайну гордого эльфа.

И вообще сделал вид, что не понял значения этого рисунка, хотя, наверное, в эту ложь не поверил бы и дурачок.

Но Кит молчал, вопросов не задавал, и вообще делал вид, что ничего особенного на элфе нет, и эльф украдкой вздохнул с облегчением.

Наверное, умение притворяться в профессии Кита так же важно, как чуткие руки.

Он извлек обломок дротика так ловко, что эльф не издал ни единого болезненного звука.

— Вот и все, — произнес Кит, сбросив этот крохотный металлический зубчик на пол. — А ты боялся. Сейчас я наложу повязку из травяного пластыря, и будет намного легче. А ты молодец, терпеливый. Из тебя выйдет толковый боевой маг!

— Да, спасибо, — пробормотал эльф. На бледные щеки его возвращался румянец. Он бросил на меня быстрый взгляд, но я честно стояла к нему спиной и не шевелилась.

Не знаю, каково было ему, а мне так очень стыдно.

Этот увядший цветок, наверное, причинял ему постоянную боль, сильнее, чем ранение, а я из праздного любопытства полезла смотреть...

Пусть Эйв не знает, пусть он не заметил, как я тайком подглядываю, но мне-то теперь как с ним быть?!

Он ведь продолжил ершиться и задирать меня.

А я... если я поведу себя мягко, иначе, чем до сих пор, он поймет, что я знаю.

И ему снова будет невыносимо стыдно и больно.

А отвечать на его колкости и дразнить его в ответ мне теперь будет неудобно. Это как бить по больному месту, зная, что оно и так мучительно ноет...

Никогда не стремитесь узнать чужую тайну!

Кит закончил свои лекарские манипуляции, Эйв поспешно натянул рубашку, и я услышала его облегченный вздох.

— Ну, вы все? — грубовато поинтересовалась я. — Закончили вы?

— Да, — ответил Кит, помогая своему пациенту одеться. — Боевые раны зализали, теперь можно заняться и клятвами.

Кит, спасибо тебе!

Какой же ты хороший, какой умный и чуткий!

Я, право, не знала, как я теперь буду смотреть Эйву в глаза, с чего начну разговор, чтобы он по моему неискренне звучащему голосу не понял, что я знаю больше чем полагается.

А тут Кит подкинул тему для разговора!

— О, Кит! — обрадованно воскликнула я, оборачиваясь к мальчишкам и запуская руку в карман. — А почему клятвы две?! Вторую ты где взял?

— Да у нее же в кармане, — ответил Кит беспечно, отирая руки после произведенной операции.

У него были спокойные-спокойные глаза и губы.

Словно ничего и не случилось.

Словно он и не видел ничего, чего ему видеть не полагалось.

Надо же, с каким мастерством он притворяется!

Но на дне этих глаз я совершенно четко увидела нечто такое, что сразу дало мне понять: Кит меня убьет, если я хоть словом обмолвлюсь о том, что знаю.

— Случайно завалилась? — спросила я, рассматривая цветной стеклянный шар.

— Вот не думаю, — Кит чуть тряхнул головой. — Оба они были увязаны в ее платок. Они оба были ей нужны. Видишь, она бросила свою ловушку? Очень сильная и современная вещь. Дорогая, наверное, ужасно. Такой не надо перебирать все подряд клятвы. Можно просто посветить, и нужная клятва сама найдется, подаст знак. Твоей сестре здорово достанется от хозяина.

«Вероятно, все удары розгами, что Нил предназначал мне, достанутся ей, — мрачно подумала я. — Что ж, вероятно, у нее поубавится любви к этому мерзкому слизняку!»

— Так значит, клятва хитреца, — задумчиво произнесла я, рассматривая зеленый шарик. В нем клубилась зеленоватая мгла, словно водоросли колыхались на дне пруда. — Интересно, о чем она?

— Так давай посмотрим, — просто предложил Кит.

Эйв, морщась, тотчас же подскочил и сходил за оброненной ловушкой.

Он держался бодрее, ему явно полегчало после вмешательства Кита, и теперь противный эльф изо всех сил делал вид, что он по-прежнему ловкий, сильный, самый полезный и самый нужный.

И в нашей жалости, конечно, не нуждается.

И беречь его, раненного, не надо.

Я почувствовала, что во мне закипает раздражение и выдохнула слишком шумно и язвительно.

Эльф, услышав это, усмехнулся. Уверенность вернулась в его взгляд. Видимо, он решил, что я ничего не знаю, и, значит, не буду его жалеть.

Жалость тоже не приемлет. Гордый.

Вернулся и подал ловушку мне, строя невозмутимые рожи.

Он и покойника до судорог доведет своей нарочитой навязчивой независимостью!

Стараясь не закипеть от раздражения, я ловушку от него приняла и вставила первый шарик, оранжевый. Все же, мне нужнее и важнее было убедиться, что мы нашли именно клятву деда.

И это точно была она; в оранжевом мареве, вспыхнувшем в фонаре — ловушке, я увидела деда, гневного, но едва не рыдающего от бессилия.

Он стоял у стола и что-то говорил. Вероятно, слова клятвы.

— Это он? — спросил Кит. — Твой дед?

Я лишь кивнула.

— Порядок, — выдохнула я, пряча клятву во внутренний карман пальто, поглубже. — Мы нашли ее, представляете?! Это невероятно, это было почти невозможно, но мы ее нашли!

— Значит, мы спасем Академию! — подал голос Эйвинд. Он ликовал; глаза его сияли, он улыбался, но не как прежде, гадко и противно, а совершенно счастливо, ослепительно. Даже голова закружилась от его улыбки. — Полдела сделано!

— Остается только добраться до нее, — резонно заметил Кит. — Твой дед ничего не сказал, в какую сторону брести? Может, туда еще год добираться? Сколько еще дротиков можно заработать за год! Этак от нас ничего не останется!

Но я уже его не слушала. Мне не терпелось узнать, что там за клятва зеленого цвета, кто ее принес, и о чем она.

Но едва я вставила ее в ловушку, как она вспыхнула ярким зеленым цветом, и я успела лишь мелком увидеть отца Нила, его хитро прищуренные подлые глаза, и клятва его взорвалась и испарилась.

— Клятва нарушена, — раздался торжественный голос у нас над головами. — Было обещано, что не будет приложено никаких усилий к тому, чтобы помешать выполнить другой, связанной с этой, клятвы. Но сегодня это обещание было нарушено. Чужая клятва была похищена с тем, чтобы ее спрятать и сделать недоступной. Поэтому вы можете требовать любую компенсацию.

— Что это значит? — выкрикнул Кит.

От испуга он даже голову в плечи втянул, словно говоривший мог надавать ему по ушам за его грешки.

Но ничего такого, разумеется, не произошло.

— Это значит, — ответил Эйвинд, — что кто-то очень не хочет открытия Академии и пытался сжульничать, на свой страх и риск послав слугу. Хотел выкрасть и спрятать клятву, чтобы ее никто не смог найти. Но свою клятву он этим нарушил. Значит, нам полагается компенсация и выполнение любого желания.

И он тайком вздохнул.

— Ты, как самый пострадавший, можешь его загадать, — великодушно сказала я. — Все, что хочешь! Хочешь стать богатым и самым знатным из эльфов?

Где-то глубоко, под радостными мыслями и облегчением, под осознанием того, что у нас все вышло, шевельнулась наивная и по-девчачьи розовая надежда, что Эйв пожелает вернуть свою неверную возлюбленную.

Да, вернет, она снова его полюбит, и он не будет больше таким колючим, вредным и язвительным.

Волшебство залечит его душу, он снова будет беззаботным и забудет невзгоды.

И тогда, может быть, я смогу ему понравиться, хотя бы не как девушка, а как друг.

А потом, может, и как девушка...

Об этом я думала, предлагая ему самый огромный дар, который только можно получить от Башни Клятв.

Но зануда эльф только покачал головой, прикрыв глаза и всем своим видом выражая свое неодобрение и даже презрение к моим мыслительным способностям.

— Глупая девчонка, — напыщенно произнес он. — Ну, какое богатство?! Нет, дай тебе волю, ты все спустишь на платья и побрякушки! И очень хорошо, что ты не стала выбирать, а предоставила это мне. Я, пожалуй, воспользуюсь твоим щедрым предложением. Я не хочу еще год плутать в поисках Академии. И дротиков мне в боку и ляжках больше не нужно. Хочу, чтобы мы сейчас же перенеслись в Академию со всеми нашими пожитками и улиткой!

Магия сработала как надо.

Я и глазом не успела моргнуть, как вокруг нас сгустилась зеленая мгла, и я обнаружила себя стоящей... в еловом лесу!

В том самом, который очаровал меня, когда я смотрела на Академию в кабинете деда!

Я еще подумала, что это красивый макет!

Господи, как тут было хорошо! Как тут было хорошо!

Ели были старые, высокие, темные, и закрывали собой небо.

Стволы их были замшелые, зеленые.

Травы, которые растут только в полумраке, были пышные и сочные.

Воздух был прохладный и вкусный.

Я вдохнула полной грудью, и мне показалось, что никогда я не дышала так свободно.

Свет, пробивающийся сквозь еловые ветки, был прозрачный, как хрусталь, и отчего-то чуть зеленоватый.

Пляшущие в нем мошки и крохотные бабочки были похожи на золотые пылинки, танцующие в теплом потоке воздуха.

— Лес Потерянных Теней! — выкрикнула я. — А вон там должен быть живой огонь!

Недоверчивый эльф с подозрением взглянул на меня. Ему это место понравилось больше всех, дай волю — и он жить бы тут остался.

Уселся б у костра, протянув усталые ноги к теплу, и задремал бы на лавке.

— Серьезно? — ожидая какой-то подвох, спросил он, оглядываясь. — У нас получилось?! Тебе это место знакомо?

— Да! — я от радости даже в ладоши хлопала. — Видела у деда на макете! Это лес около Академии, тайное место сборищ студентов! Вон там должна быть полянка с огнем и каменными скамейками вокруг него. А вон там, на севере, расположена сама академия!

— Так идем туда скорее, — подал голос Кит, тая из всех сил улитку за повод. — Эта зверюга проголодалась и ноет. А еще она хочет сорваться с поводка. Если она удерет и сожрет сторожа, нас по головке не погладят.

— Хм, хм, — снова хмыкнул эльф. — Интересно, почему нас сразу не закинуло туда? Какое условие нужно выполнить, чтоб академию расколдовать?

— Положить шар на стол ректора, — ответила я.

— Хм, хм. Но тут, я полагаю, заколдованы все и всё? Наверное, этот шар нужно пронести по всей территории академии?

— Не надо, — раздался вдруг до боли знакомый подлый голос, и я даже вскрикнула. Совсем не ожидала его тут услышать! — Просто мы вас тут немного задержали.

Мы разом обернулись.

Под елями стоял Нил собственной персоной, и вокруг него те, кого Эйвинд назвал адептами Тени. Несколько фигур в темных плащах, с закрытыми лицами.

Слуги Нила? Его помощники в черных делах?

Наверное, так.

Взглядом я поискала Беату, и, конечно, нашла ее.

Она старалась держаться к Нилу поближе.

Она переступала с ноги на ногу, делая мелкие шажочки, так, что скоро оказалась рядом с ним и могла коснуться рукава его нарядного бархатного одеяния, украшенного серебряными и черными кожаными шнурами пальто.

Она прятала лицо под капюшон, но я успела заметить и ее вспухшие, разбитые губы, ее щеки, покрасневшие от пощечин.

Но глаза, ее глаза по-прежнему смотрели на Нила преданно и влюбленно.

Кажется, вели он ей лечь на землю — она легла бы, даже если он взобрался бы ей на спину и там топтался.

Все-таки, она невероятно его любит...

Намного больше себя, да и меня, разумеется, тоже!

И это одновременно наполняет меня стыдом за сестру, горечью за ее выбор и болью.

Я знала наверняка, что у нее с Нилом ничего не срастётся. Он лишь позволяет ей быть подле себя, не больше.

А ей для счастья этого достаточно...

— Кажется, — вкрадчиво произнёс Нил, делая шаг вперед, к нам, — вы нечаянно завладели кое-чем, что принадлежало мне? Отдайте.

Он двигался неспешно.

Под полами его шикарного одеяния шелестела зелень, травы сочно хрупали под его надраенными до блеска ботинками.

Но казалось, что с каждым его шагом смерть наползала на цветущую зеленую землю...

— Да забирай, делов-то, — беспечно произнёс Кит, отцепляя от своего пояса фонарь-ловушку и небрежно швырнув ее в Нила. — Твое — значит, твое.

Нил на удивление ловко ее поймал и, не глядя, протянул слугам.

Беата первая из всех рванула вперед, подхватила эту вещь, что почти вывалилась из руки Нила.

И тот усмехнулся, глядя, как стыд за сестру расписывает багровыми пятнами мои щеки.

— Но это еще не все, — теперь Нил смотрел прямо на Кита. Его глаза в полутьме горели красным цветом, черты лица заострились, и он становился похожим на демона. На черного, угольно-черного демона. — Было еще кое-что.

— Клятва твоего отца, — язвительно ответила я, — растаяла. Она была нарушена!

— А я и не о ней говорю, грязная мышь, — с ненавистью выдохнул Нил. Глаза его вспыхнули ослепительно, как раскаленная лава в жерле вулкана, и мне показалось, что над Нилом всколыхнулось горячее море. — Я говорю о клятве твоего деда. Дай мне ее сюда, и вы останетесь живы!

Он протянул ко мне руку.

Ту самую, с прокушенным пальцем.

Наверное, я постаралась на славу, или некогда Нилу было возиться, заговаривать укус.

Но палец и правда посинел и был неловко заклеплен заживляющим пластырем.

— Нет, — дерзко выкрикнула я, отступая назад, прочь от Нила, и машинально нащупывая под одеждой твердый шарик. — Это тебе не принадлежит!

— Не принадлежит, так будет, — Нил рассмеялся гаденько, неприятно. — Мы так старались закрыть эту чертову проклятую академию, чтоб вы, голожопая шпана, знали свое место...

Так неужто ты думаешь, что я допущу, чтобы Голодранцы победили? У вас не должно быть будущего. Ваши жалкие магические способности не должны затмевать моих. Только академия Военных Магов! Только сила, только мощь и доблесть!

Его голос прогрохотал, облетев лес.

— Девчонок насильно тискать и под юбкой шарить — это сила и мощь? — язвительно спросила я, все так же отступая.

— Однако! — изумленный, выкрикнул Кит.

— Глупая девчонка, — недовольный, поморщился Нил. — я ведь предлагал тебе больше, чем кому-либо. Почему ты такая тупая и такая упрямая?! Ты заняла бы самое высокое положение, какое только возможно... для тебя. Еще не поздно согласиться. Я готов обменять твое наказание на клятву. Его, так и быть, не будет. Я просто сделаю тебя своей служанкой. Своей личной, персональной вещью. Любимой и дорогой. Никто и пальцем не посмеет тебя тронуть. Ну?

— Это ты мне предлагаешь в шаге от дверей академии?! Да ты, верно, совсем ума решился? Никогда! — выкрикнула я ему в лицо. — Никогда я тебе не подчинюсь!

— Взять их! — бросил Нил, указывая своим слугам на нас. Ему, кажется, надоели препирательства.

Его жуткие слуги безмолвно кинулись на нас, и даже взбрыкнувшая улитка, которую хитрый Кит спустил с привязи, их не напугала.

Не этот зверь был их целью, а мы, трое голодных и грязных дурачков, поверивших в чудо.

— Я вам покажу! — завопил неугомонный эльф. Он выхватил свой ключ и направил на врагов светлый магический луч, но тут...

На плечо ему легла призрачная рука, но он ощутил ее прикосновение.

Лес наполнился тенями.

Наверное, они и раньше тут были, но мы их просто не замечали, а теперь, когда нам стала угрожать опасность, они пришли к нам на помощь.

Все, как один, высокие юноши.

Кажется, прилично одетые, только немного в старомодные одежды.

С мерцающими призрачными ключами в руках.

Все они наставляли свои ключи на адептов Тени, и те останавливались, словно налетев на невидимую стену и отступали в страхе.

Тот, что остановил неистового Эйвинда, задвинул развоевавшегося эльфа себе за спину и наставил свой ключ прямо на Нила.

— Ты не помешаешь мне закончить эту академию и выпуститься, — тихо прошепел призрак. Глаза его мерцали магией, намерения были самые серьезные. И с каждым мигон он, этот призрак, становился все плотнее, все реальнее.

Нил испугался, дрогнул и отступил.

Из всех, собравшихся на полянке, он был самый страшный.

Самый грозный.

Больше всех походил на боевого всемогущего мага. На демона из пылающей Преисподней.

А напугался привидений?!

«Старшекурсники академии! — промелькнула в моем мозгу. — Они же все заперты здесь! Дед об этом говорил! Да, конечно, с ними, с выпускникам Академии, Нилу-недоучке связываться опасно...»

Старшекурсник, что выступил первым, оглянулся на меня. Его черты, сотканные из магического тумана, были неясны, но я видела — он благожелательно улыбается.

— Идите, — произнес он. — Вас ждут. Мы очень долго ждали вас!

— Никуда они не пойдут! — заорал Нил, понимая, что, возможно, скоро его щеки будут гореть от полученных от отца пощечин так же, как горят щеки Беаты. — Это все лишь призраки, ничего они нам не сделают! Взять этих грязнуль!

Но он глубоко ошибался.

Те, кто миг назад были призраками, вдруг вынырнули из тумана, став обычными людьми.

Их ключи превратились в клинки, точно так же, как до этого превращался ключ Эйвинда.

И эти клинки были нацелены на слуг Нила.

Я уже не стала дожидаться окончания драки.

Даже если кто-то пострадает... Он знает, за что.

За возможность освободить всех.

И поэтому я должна была спешить, чтобы жертв было как можно меньше!

Со всех ног рванула я по дорожке к виднеющейся академии, а за моей спиной рвались магические вспышки и раздавались болезненные вскрики раненых.

Рядом со мной бежали и Эйв с Китом.

И это было правильно, потому что они были так же ценны, как клятва.

Они были новые адепты Академии, одно из условий к ее освобождению.

**

Мы бежали по саду, по его запутанным дорожкам. Как хотела бы я остановиться и все как следует рассмотреть!

Беседки, увитые зеленью, и розы и теперь казались мне игрушечными, настолько аккуратными и хорошенькими они были.

И всюду были тени!

Теперь я их видела совершенно отчетливо.

Казалось, из ниоткуда, из зеленоватого лесного света выступают люди, в основном молодые, юноши и девушки.

Они растерянно осматривали друг друга, свои руки, медленно становящиеся плотными, настоящим, и их голоса из еле слышных, похожих на вздохи ветра в ветвях, становятся звонкими и живыми.

Над лесом словно запускали фейерверк.

Вспышки магии с визгом взлетали до небес и рассыпались там белыми искрами.

То старшекурсники отбивались от адептов Тени.

И вот чудо — все студенты, что обретали плоть и становились настоящими, живыми, не убегали, заслышав сражение.

Наоборот, они выхватывали ключи и спешили на помощь тем, кто сдерживал Нила и его жутких слуг.

И девушки, и юноши — они все защищали академию и нас, несущих спасение.

В этот миг я почувствовала невероятную сплоченность и благородство студентов.

Все за одного.

Храбрость и самоотверженность воспитали в них очень хорошо.

И я ощутила единение с ними и необычайную поддержку, такую сильную, какую не ощущала, пожалуй, никогда.

А потому, как бы ни была измучена, как бы ни хотелось мне хот на миг остановиться перевести дух, я пересиливала эти желания и неслась дальше.

Хотя, как — неслась. Это мне, наверное, казалось. Я была измучена и ужасно устала, моя обувь была мокрой и холодной, а тело горело от бега и от страха. Мальчишки, подхватив под руки, буквально тащили меня на себе, хотя и сами еле передвигали ноги.

Вспышки магии все чаще взрывались в небе.

Я подняла разгоряченное лицо, с которого, кажется, даже капли пота испарялись в один миг, и увидела надвигающуюся тучу.

Нил и его слуги были или изгнаны, или побеждены, а вот это, то, что надвигалось, было настоящей опасностью.

А все студенты защищали нас именно от этой черной, жуткой тучи, которая размахивала призрачными крыльями и кружилась над академией.

— Скорее! — прохрипел Эйв. — Если это нас поймают, мало нам не покажется!

Мы поднажали.

Из последних сил, спотыкаясь и чуть не падая, оставляя неряшливые грязные следы нашей обуви на прекрасной мраморной лестнице, мы добрались до дверей Академии, и Кит отчаянно дернул за ручку.

Но массивная огромная дверь была заперта, как я и предполагала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.